

Черный Баламут

Генри Олди

Гроза в Безначалье

«Автор»

1997

Олди Г. Л.

Гроза в Безначалье / Г. Л. Олди — «Автор», 1997 — (Черный Баламут)

Наш мир стоит на пороге Кали – юги, Эры Мрака. Тысячи и тысячи гибнут в Великой Битве. Однако Эра Мрака не заканчивается гибелью мира – она ею только начинается, так же как и история Индры – Громовержца, история аскета Рамы-с-Топором, история трех его учеников... Судьбы обычных людей и царей Хастинапура, судьбы небожителей и их земных воплощений, о чем повествовали и умалчивали древнейшие мифы Индии, стали основой для «Черного Баламута», романа – эпопеи, одного из самых значительных произведений Г. Л. Олди.

© Олди Г. Л., 1997

© Автор, 1997

Содержание

ПРОЛОГ	6
Книга первая	10
Зимний месяц Магха, 27-й день	11
Глава первая	12
Глава вторая	20
Глава третья	30
Глава четвертая	41
Глава пятая	49
Книга вторая	61
Часть первая	62
Глава первая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Генри Лайон Олди

Гроза в Безначалье

Подвижничество – безвредно, изучение наук – безопасно, предписания Вед согласно каждой касте – не пагубны, обогащение при помощи стараний – не предосудительно; но они же, примененные с дурным умыслом, ведут к гибели.

Махабхарата, книга Первая, шлока 210

Земля – зола, и вода – смола,
И некуда вроде податься,
Неисповедимы дороги зла,
Но не надо, люди, бояться!

Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет:
– Я знаю, как надо!

Кто скажет:
– Тому, кто пойдет за мной,
Рай на земле – награда!

А. Галич

ПРОЛОГ

Пестрый удод был очень занят. Пополудни он чуть было не достался старому коршуну-проглоту с отрогов Махендры, лучшей из гор (бедняга-удод возражал против такого определения, но его мнением никто не интересовался); и теперь приходилось наверстывать упущенное. О Гаруда, мощнокрылый царь пернатых, способный нести землю на одном крыле! До чего же глупо поступают люди, используя зернышки плодов акша-дерева в качестве играль-ных костей! Игра – штука ненадежная, сегодня тебе везет, а завтра последние перья сдерут, вместе с кожей, тонкой, ни на что не годной кожицей в синих пупырышках! Мудрые знают: куда полезнее без затей клюнуть зернышко, запрокинуть голову, глотнуть, а потом клюнуть другое, третье...

На миг оторвавшись от увлекательного времяпровождения, удод вздрогнул и подпрыгнул, тряся пушистым хохолком. Нет, почудилось. И все же: словно листья на ветвях, колеблемые ветром, вдруг издали глухое бряцание доспехов под мечами, словно шелест травы наполнился звоном металла и ржанием коней, словно в лепете серебряного ручья прорезались гневные возгласы и хрип умирающих, словно уханье боевых слонов вплелось в птичий гам... Еле слышно, на самой границе доступного – иллюзия, майя, любимое развлечение судьбы.

Пришлось склевать зерно-другое для успокоения бешено стучащего сердечка. Закусив тутовым червячком, маленький удод перепорхнул ближе к корявому стволу шелковицы. Закопошился меж корней, узловатыми жилами выступавшими наружу, встопорщил оперение – и спустя мгновение крылья птицы судорожно заработали, отбросив хозяина на прежнее место.

Воистину сегодняшний день обладал всеми неудачными приметами, от шакальего воя с левой стороны света до карканья голубой сойки-капинджалы с правой! Вряд ли можно назвать удачей попытку клюнуть желтый ноготь на ноге отшельника-аскета – пусть неподвижность человека и была сродни неподвижности вросшего в землю валуна. Даже длинная грязно-седая коса, похожая на мочальный жгут, не колыхалась от ласки ветра – змеилась себе вдоль торчащих позвонков хребта, раз и навсегда застыв проволоочной плетью.

Всю одежду недвижимого обитателя Махендры составляла узкая полоска грубой ткани, прикрывающая чресла; над правым плечом вился слепень, жужжал раздраженно, но не садился.

То ли понимал, что здесь особо нечем поживиться, то ли был прозорливее глупого удода.

Птица склонила головку набок и сверкнула черной бусиной глаза.

Словно в ответ, веки отшельника дрогнули. Качнули выцветшими ресницами, и вскоре в провалах глазниц заплескались озера кипящей смолы, заходили крутыми валами, ярясь агнцами-барашками; будто адская бездна Тапана смотрела на мир из души аскета. Такой взгляд подобает не дваждырожденному брахману, погруженному в созерцание истинной сущности, а скорее гневному воину-кшатрию, чей закон и долг – пучина битвы и защита подданных. Вряд ли причиной выхода из отрешенности послужил глупый удод: захоти аскет, пламени его взора хватило бы, чтоб испепелить на месте любого виновника. Окажись дерзкий великим раджой, владыкой людей, лохматым ракшасом-людоедом или божеством из Обители Тридцати Трех – все равно, пепел есть пепел, чей бы он ни был.

Пришпиленная к земле этим страшным взглядом, птица затрепыхалась, не в силах сдвинуться с места. Даже не сообразила, бедняжка, что аскет обращает на нее внимания не более, чем на жужжание слепня или на вечное движение Сурыи-Солнца по горбатому небосводу.

Сухие губы человека разлепились, дернулись струпьями вокруг застарелой язвы рта, и во вновь упавшем из ниоткуда шуме битвы родились слова.

Шершавые и пыльные; не слова – песок в горсти.

– Они все-таки убили его... бедный мальчик!

Удоду чудом удалось извернуться и забиться в спасительную гущу олеандровых кустов. Протискиваясь глубже, пытаясь стать маленьким, меньше муравья, он вжимал головку в перья, а слова догоняли, ранили, тыкали в тощие бока пальцами; и клюв коршуна показался в эту минуту чуть ли не избавлением от мук.

– Бедный мальчик! Если б они еще ведали, что творят...

Пальцы аскета червями соскользнули с пергаментной кожи бедра – только сейчас стало отчетливо видно, что отшельник чудовищно, нечеловечески стар – и раздвинули стебельки травы рядом с левой ягодицей. Жест был машинальным, неосознанным, и кончики самовольных пальцев мигом успокоились, вместо земли погладив холодный металл. Это был еще один повод изумиться: рядом с огненноглазым аскетом, ушедшим от мира, лежал топор... нет, боевая секира, на длинном древке, увешанном колокольцами, с тонким полулунным лезвием, плоскость которого украшала гравировка.

Белый бык, грозно вздыбивший косматую холку.

Тавро Шивы-Разрушителя.

Даже в пламени костра этот металл оставался ледяным, подобно снегам Химавата.

– Бедный мальчик, – еще раз повторил аскет и устало смежил веки.

Храп бешеных коней ушел из журчания ручья, лязганье металла покинуло шелест листвы, и в недовольном ворчании слепня перестал крыться скрежет стрелы, скользящей по панцирю.

Только где-то далеко плакала женщина, захлебывалась рыданиями; но и плач в конце концов стих.

Воздух плавился под лучами заходящего солнца.

Тишина ненадолго воцарилась на поляне. Вскоре покой Махендры, лучшей из гор, опять был нарушен: приближался кто-то шумный и совершенно не намеревающийся скрывать свое появление. Хруст, шорох, раздраженный рык, проклятие острым шипам, которые имеют привычку исподтишка втыкаться в бока почтенным людям – и спустя миг между двумя розовыми яблонями объявляется кряжистая фигура нового гостя.

О таких говорят, что они способны перебодать буйвола.

Особенно если учесть, что пришелец успел незадолго до того приложиться к сосуду с хмельной гаудой, крепким напитком из патоки. И, судя по покрасневшим белкам глаз и аромату хриплого дыхания, приложиться не единожды.

– Приветствую тебя, Бхаргава¹, – громогласно возвестил гость, нисколько не стесняясь нарушить своим воплем покой святого человека.

После чего вперевалячку принялся совершать ритуальный обход сидящего по кругу слева направо – символ почтения, уважения и всего хорошего, что только можно символизировать на этом свете.

Богатые одежды любителя гауды пребывали в живописнейшем беспорядке, косо повязанный тюрбан из полосатого шелка норовил сползти на брови, и пятна жира вперемешку с винными кляксами украшали ткань в самых неожиданных местах.

– Не ори, тезка, – по-прежнему с закрытыми глазами, ответил аскет. – Ты что, за последнее время научился обходительности – именуешь меня безличным именем? Я – Бхаргава, мой отец – Бхаргава, дед мой – тоже Бхаргава, и так до самого родоначальника Бхригу... а он, как известно тебе не хуже меня, детишек настрогал – любой позавидует! Любил старик это дело...

Гость смущенно засопел, прекратив обход на середине круга.

Услышавший такое сопение носорог, пожалуй, пустился бы бежать без оглядки.

– Сам знаешь, – сообщил он, глядя в сторону и стараясь не дышать на аскета, – норов у тебя еще тот... Собачий норов, не сочти за грубость. Раз на раз не приходится. Что ж мне, так и

¹ Бхаргава – потомок Бхригу, легендарного мудреца.

заявлять: дескать, Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач желает здравствовать Раме-с-Топором? А тут как раз тебя пчела в задницу укусила, ты меня возьмешь и проклянешь сгоряча – мотайся потом крысиным хвостом лет эдак двести! Нет уж, лучше мы по старинке, как положено...

– Ну и дурак, – слышать такое от аскета, лишенного страстей, было по меньшей мере странно. – Сказал бы то же самое, но вежливенько, на благородном языке дваждырожденных, или хотя бы на языке горожан и торговцев, а не на этом жутком наречии пишачей-трупоедов, которым только спяну чепуху молоть! Вот и вышло бы: Баларама Халаюдха, владыка ядавов, приветствует Парашураму, тишайшего отшельника, сына Пламенного Джамада! Как звучит, тезка! Хоть в Веды вставляй, для примера юношам! Учить мне тебя, что ли?

– Тишайшего, – со значением хмыкнул Баларама, довольный таким поворотом разговора. Во всяком случае, проклинать его аскет явно не собирался. – Меня, что ли, именуют Истребителем Кшатры? Я, что ли, гулял в Пятиозерье со своим топориком, да так гулял, что в каждом озере кровь вместо воды потекла? Я что ли, своих предков этой самой кровушкой вместо свя-
тых возлияний поил?! Лес вокруг тебя – он и впрямь тишайший...

– Был. Пока ты через него не поперся, – закончил аскет, любовно поглаживая лезвие секиры. – Лучше ты мне вот что скажи, Здоровяк, раз явился... Ты единственный, кто устранился от этого побоища, которое они гордо именуют Великой Битвой?

Баларама подошел поближе и уселся прямо на траву, скрестив ноги. Теперь стало видно, что он отнюдь не так пьян, как хотел казаться, и что Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач, что называется, с молодых ногтей привык управляться со своей непомерной силой. Садился тихо, бесшумно, словно не он только что ломился сквозь чащу бешеным вепрем; мощные руки, напоминающие два слоновых хобота, скрестил на груди, боясь задеть невзначай что-либо – видать, не раз задевал, и последствия были Балараме хорошо известны.

– Не единственный, тезка. Еще Рукмин из племени бходжей.

– Рукмин-Бходжа? Ученик царя оборотней Друмы? Обладатель одного из трех Изначальных Луков?! Интересно, как ему это удалось?

Баларама покусал губу, отчего его пышные усы встопорщились, и недоверчиво покоился на Раму-с-Топором. Было видно, что он полагает малую осведомленность аскета исключительно притворством – но заострять на этом внимание не решается.

Уж лучше ответить, когда спрашивают...

– Хитрец Рукмин перед самой битвой явился по очереди к предводителям обеих сторон. Явился шумно, с кучей войска, с гонгами-барабанами, и начал с одного и того же заявления: «Если ты боишься, о повелитель, то отринь страх: я – твоя защита в сражении!»

Аскет шипяще расхохотался, прогнув тощую спину.

Ни дать ни взять, священная кобра раздула клобук и напомнила тварям, кто есть кто.

– Ах, умница! Узнаю школу Друмы-оборотня! Ну конечно же! – небось, оба ответили ему: «Это я-то боюсь?! Это ты...»

– Вот-вот! Только в несколько иных выражениях! А Рукмин, не будь дурак, извинился, развернулся и поехал себе домой с чистой совестью! Разве что лук свой, один из Троицы, подарил – сам, небось, знаешь, кому!

В чаще раздался скрипучий вопль тоскующего павлина. Приближалась васанта – сезон весенних дождей – и радужные хвосты птиц помимо воли раскрывались веером, а длинные глотки рождали звуки, свойственные скорее разгулявшейся нежити на заброшенных кладбищах.

Ругнувшись сгоряча, Баларама моргнул и сам же широко улыбнулся, дивясь своей вспыльчивости.

– Орет, как оглашенный, – буркнул силач, словно извиняясь. – И как ты спишь, на этой Махендре? Павлины вопят, муравьи в нос заползают, того и гляди, змея за ляжку цапнет!

– Меня змеи не трогают, – сухо отозвался аскет, больше занятый обдумыванием поступка хитроумного Рукмина.

– Это верно. Главное, чтоб ты их не трогал... шучу, шучу! Люди опаснее змей, отшельник. Пройдет время, и все припомнят: кто от бойни уклонился, кто на Махендре задницу просиживал, пока ученики любимые головы клали, братьев-дядьев стрелами истыкивали! Все вспомнят, все, ни единой капельки не обронят!

– Если будет кому вспоминать, – шевельнулись сухие бескровные губы.

– Твоя правда. Только...

Баларама вдруг дернулся, судорожно тряхнув широченными плечами, и уставился на аскета, будто впервые обнаружив его сидящим на поляне.

– Тебе было видение? Да, тезка?!

– Да, Здравыак. Мне было видение. Сегодня они убили последнего из моих учеников. Вначале пал Дед, за ним – Брахман-из-Ларца, и теперь пришла очередь Секача. Мы стоим на пороге Кали-юги, тезка, на пороге Эры Мрака.

– Которая закончится гибелью мира?

– Не болтай глупостей. Рама-Здравыак по прозвищу Сохач, сводный брат Черного Баламута, знает не хуже Рамы-с-Топором, сына Пламенного Джамада – Эра Мрака не заканчивается гибелью мира.

Аскет помолчал. Странными бликами отливала пепельная кожа его иссохшего тела, обвитого тугими жгутами совсем не старческих мышц, и оставалось только надеяться, что это цвет возраста, а не пепла от сожженных трупов, коим полагалось умачаться всякому истинному отшельнику-шиваиту.

Маленькому удоу в зарослях олеандра было очень страшно.

Страшнее всех.

– Эра Мрака не заканчивается гибелью нашего мира, – сухо повторил сын Пламенного Джамада. – Она ею начинается.

**Книга первая
ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ
ПО ПРОЗВИЩУ
ВЛАДЫКА ТРИДЦАТИ ТРЕХ**

Бали сказал:

Против вас, двенадцати махатм, Адитьев,
Против всей вашей силы восстал я один, о Индра!

Если бы меня, дерзкого, не одолело время,
Я бы тебя с твоим громом одним кулаком низринул!

Многие тысячи Индр до тебя были, Могучий,
Многие тысячи Исполненных мощи после тебя пребудут.

И не твое это дело, Владыка, и не я тому виновник,
Что Индре нынешнему его счастье незыблемым мнится...

Махабхарата, Книга о Спасении, шлоки 350-354

Зимний месяц Магха, 27-й день НАЧАЛО КОНЦА

Чтение этих глав есть благочестие и непреходящий свет; тот, кто аккуратно будет повторять их слово за словом во всякий день новолуния и полнолуния, обретет долгую жизнь и путь на небо.

Глава первая КОГДА БОГИ МОРГАЮТ

1

Сон отпускал меня неохотно, словно обделенная ласками любовница.

Было трудно вынырнуть из пуховой тучи забытья, сулящей все радости, какие только могут прийти на ум. Еще трудней было разлепить ресницы и взглянуть на потолок, расписанный блудливыми павлинами и не менее блудливыми богами, часть из которых я не раз заставлял в самый разгар подобных развлечений – после чего приходилось либо раскланиваться, либо присоединяться.

За окном приглушенно шумела Обитель Тридцати Трех. Это удивило меня. По идее, едва мои веки дрогнут, крылатые гандхарвы-сладкопевцы должны во всю глотку славить величие и славу Индры-Громовержца, Стосильного, Стогневного, Могучего-Размогучего, Сокрушителя Твердынь и так далее.

Короче, меня.

Надо будет приказать князю моих горлопанов: пускай проследит, кто из гандхарвов оплошал, и организует виновникам по земному перерождению. Годков на семьдесят-восемьдесят, не меньше. Поплавают крокодилами в Ганге, поплачут горячими слезами... или пусть их.

Что-то я сегодня добрый.

Подхватившись на ноги, я – как был, в одной набедренной повязке – вихрем вылетел из опочивальни, пронесся мимо разинувших рот карл с опахалами и простучал босыми пятками по плитам из ляпис-лазури, покрывавшим пол зала.

Пышногрудая апсара в коридоре вытирала пыль с подоконника, украшенного тончайшей резьбой: я убиваю Змия, я убиваю Вихря, я убиваю кого-то еще, такого мелкого, что и не разберешь-то... Облокотиться о лстивый подоконник всегда казалось мне удовольствием сомнительным; особенно когда удовольствия несомненные находятся под рукой. Я походя шлепнул красотку по седалищу, достойному быть воспетым в историях походов этого проходимца Камы, разящего куда ни попадя из цветочного лука – апсара взвизгнула, я издал страстный стон и в три прыжка оказался у притулившегося сбоку фонтанчика.

После чего плеснул себе в лицо пригоршню-другую ароматной воды и обернулся.

Такого ужаса, какой полыхал в миндалевидных глазах апсары, я не видел со времен уничтожения Вихря. Проклятый червь... Впрочем, речь не о нем.

Моя улыбка дела отнюдь не поправила. Скорее наоборот. Апсара по-прежнему стояла, зажимая рот ладонью, и глядела на меня, как если бы я только что на ее глазах засунул обе руки по локоть в человеческий труп.

– Ну, чего уставилась? – с нарочитой грубостью бросил я. Любого из дружинников гроза в голосе Владыки мигом привела бы в чувство, апсара же совсем потеряла дар речи и только часто-часто заморгала, указывая попеременно на меня и на злосчастный фонтанчик.

– В-в-в... – дрогнули пухлые губы, предназначенные исключительно для поцелуев и любовных восклицаний. – В-в-владыка!.. вы умылись!..

Сердоликовое ожерелье на ее шее брызнуло россыпью оранжевых искр – и в испуге погасло.

– Умылся, – воистину, сегодня моему терпению не было предела. – И сейчас еще раз умоюсь. Тебе это не по вкусу, красавица? Ты предпочитаешь грязных владык?!

– Нет, господин, – кажется, она мало-помалу стала приходить в себя. – Просто... раньше вы никогда этого не делали!

Теперь настала моя очередь разевать рот и застывать столбом.

– Не делал? Ты уверена?!

– Разумеется, господин! Сами знаете: грязь не пристает к Мировержцам, к таким, как вы. Умываться?... ну разве что при посещении кого-то из смертных, когда вам поднесут «почетную воду»! И то вы больше вид делали...

– А так никогда?

– На моей памяти – никогда, господин!

Я задумался. Странно. Поступок еще минуту назад казался мне совершенно естественным, но слова апсары совсем сбили меня с толку. Действительно, сосредоточившись, я не мог вспомнить ни одного случая утреннего умывания. Омовения – да, но омовение вкупе с тесной компанией в водоеме, под щебет пятиструнной вины и ропот цимбал... Это, скорее, церемония, радующая душу, чем потребность в чистоте. А ополоснуть лицо, чтобы сбросить дрему и вернуть ясность взгляда заспанным глазам... Нет, не помню. Хотя мало ли чего мы не можем вспомнить только потому, что давно перестали замечать мелочи обыденности?

Так и не придя ни к какому выводу, я игриво ущипнул апсару за обнаженную грудь, рассмеялся, когда она всем телом потянулась ко мне, и двинулся дальше.

У лестницы, ведущей на первый этаж, облокотясь о перила балкончика, стоял величественный старик. Несмотря на жару, облачен он был в складчатую рясу из плотной кошенили и украсился цветочными гирляндами – шедевр ювелиров, от живых и не отличишь! Космы бровей вздымались снеговыми тучами над Химаватом, узкий рот был скорбно поджат, как обычно, и обвислые щеки в сочетании с крючковатым носом делали старца похожим на самца горной кукушки.

Брихас, Повелитель Слов, великий мудрец и мой родовой жрец-советник, которого я в минуты хорошего настроения звал просто Словоблудом.

Он не обижался.

Он вообще никогда не обижался.

Может быть, потому что был существенно старше меня и любого из Локапал-Мировержцев – а это, поверьте, много значит.

– Я счастлив видеть Владыку в добром расположении духа, – уж с чем-чем, а со словами Словоблуд обращался легко и непринужденно. – Душа моя переполнена блаженством, и осмелюсь доложить: во внутреннем дворе достойнейшие из бессмертных риши² уже готовы совершить обряд восхваления. Соблаговолит ли Владыка присутствовать?

Что-то в голосе жреца насторожило меня. Словно, повторяя заученные фразы, Брихас исподволь присматривался ко мне. Но не так, как пугливая апсара, а так, как присматривается отец к внезапно выросшему сыну или как мангуста – к замершей в боевой стойке кобре.

– Соблаговолит ли Владыка присутствовать? – вкрадчиво повторил Брихас. – Тогда я озабочусь, чтобы сюда доставили одеяния, достойные...

Переполнявшее его душу блаженство отчетливо булькнуло в глотке, заставив дернуться костистый кадык.

– Не соблаговолит, – я улыбнулся, отбрасывая странные подозрения, и еще подумал: не часто ли я улыбаюсь за сегодняшнее утро?

– Тогда я велю мудрым риши начинать, не дожидаясь?

– Валяй! Только предварительно прикажи выяснить: почему при моем пробуждении молчали гандхарвы?

² Риши – святые мудрецы.

– Увы, Владыка – накажи истинно виновных, но пощади покорных чужой воле! Гандхарвы молчали согласно моему приказу...

– Причина? – коротко бросил я.

– Вчера Владыка был раздражен зрелищем великой битвы на Поле Куру, длящейся уже две недели, и лег спать, оставаясь гневным. Поэтому я и рискнул отослать певцов-гандхарвов, предполагая, что по пробуждении...

Все было ясно. Предусмотрительный советник решил убрать безвинных певцов из-под горячей руки господина. Можно было выкинуть из головы нелепые подозрения и обрадовать своим появлением кого-нибудь еще, кроме пугливой апсары и достойного Брихаса.

Все было ясно; ясно и безоблачно. И все-таки: когда я побежал вниз по ступенькам, укрытым ворсистым ковром, так и не дослушав до конца объяснения Словоблуда – жрец сверлил мне спину пристальным взглядом, пока я не свернул во внешний двор.

Я чувствовал этот взгляд.

2

Первым делом я заглянул в павильон для купания. Из упрямства, надо полагать. Назло строптивой апсаре. Конечно, согласно этикету следовало дожидаться в опочивальне торжественного явления сотни и еще восьми юных прислужников, позволить им облачить себя в легкие одежды и под славословия гандхарвов прошествовать в сиянии золотых сосудов, которые все это сонмище несло бы за моей спиной...

В большинстве случаев я так и делал. Положение обязывает. Но иногда, вдохнув запах утра, отличного от тысяч обыкновенных рассветов, я позволял себе минуту юности. Не телесной, нет, с этим у Индры Могучего, Стосильного, Стогневного и так далее, было все в порядке, чего и вам желаю – зато со свободой... Ритуал порой давит на плечи тяжелей боевого доспеха, потому что к доспеху можно привыкнуть, а навязшие в зубах церемонии можно разве что не замечать.

Увы... увy.

В воде, благоухающей жасмином и наверняка освященной дюжиной соответствующих мантр, плескались апсары. Увидев меня, они смутились столь призывно и чарующе, что стоило большого труда не присоединиться к ним в ту же минуту. Тем паче, что одет (вернее, раздет) я был самым подходящим образом. Но сверло во взгляде Брихаса до сих пор причиняло зуд моей спине. Поэтому я ограничился малым: помахал красавицам рукой и уселся на скамеечке, предназначенной быть подставкой для ног. Еще одна дань легкомыслию и вызов общественному мнению. Тем более что сидение с высокой спинкой, выточенное из цельного куска эбенового дерева, стояло рядом. И восседать на нем полагалось исключительно мне; в крайнем случае – мне с апсарой-фавориткой на коленях.

Шачи, супруга моя дражайшая, в этом павильоне сроду не показывалась – чуяла, умница, что мужу нужны берлоги, где он сможет отдохнуть от семьи.

Соответственно, и я смотрел на некоторые проделки богини удачи сквозь пальцы. И даже смеялся вместе с остальными, когда кто-нибудь из приближенных дружинников-Марутов или даже из Локапал-Миродержцев громогласно возглашал, косясь на краснеющего приятеля:

– Желаю Удачи!

Желать, как говорится, не вредно...

Зато в беде Шачи цены не было. Не зря ее имя означало – Помощница. Помощница и есть. Это пусть Шива-Разрушитель со своей половиной ругаются на всю вселенную, а потом

мирятся – опять-таки на всю вселенную, и мудрецы озабоченно поглядывают на небо: не началась ли Эра Мрака, не пора ли запастись солью и перцем?

Нет уж, у нас удача отдельно, а гроза отдельно!

Я и опомниться не успел, как одна из апсар оказалась подле моих ног. На полу, изогнувшись кошечкой, таким гладеньким леопардиком с хитрющими плотоядными глазками. Машинально склонившись к ней, я оказался награжден превосходнейшим поцелуем и был вынужден сосредоточиться на теплом бутоне рта и проворно сновавшем язычке апсары. Не скажу, что это не доставило мне удовольствия – но поцелуй был омрачен сознанием того, что я совершенно не различаю моих небесных дев. За редчайшим исключением. Кто у нас в него входит?... ну, разумеется, тонкостанная Менака, прапрапрабабушка всех тех сорвиголов, что сейчас расстреливают друг друга на Поле Куру; затем чаровница Урваши, за плечами которой десятка три-четыре совращенных аскетов (за это красотку не без оснований прозвали «Тайным оружием Индры»); и, конечно же, сладкая парочка Джана-Гхритачи, близняшки из породы «Сборщиц семян» – потому что у любого отшельника, стоит ему узреть моих купающихся девочек, мигом начинается непроизвольное семяизвержение...

Очень удобно, когда хочешь вырастить будущего человечка с хорошей родословной, но при этом убрать в сторонку рьяного папашу – особенно, если папаша принадлежит к тем преисполненным Жара-тапаса³ оборванцам, чье проклятие неукоснительно даже для Миродержцев!

Аскет-то после такого конфуза лет сто мантры бубнит, во искупление, ему не до случайного потомства – пусть хоть в кувшине с топленным маслом выращивают, безотцовщину!

В следующую секунду я выяснил, что целуюсь именно с Гхритачи (или с Джаной?); вернее, уже не целуюсь, ибо апсара смотрит на меня, как брахман на священную говядину, и ужас в ее глазах кажется мне изрядно знакомым.

– Владыка! Ты... ты моргаешь?!

Что мне оставалось после такого заявления, как не моргнуть изумленно?

Апсара вывернулась из моих объятий и резво отползла в сторонку.

– А что, собственно, тебя не устраивает? – осторожно спросил я, пересаживаясь на полагающееся мне кресло.

Оправившись от первого потрясения, Джана (или все-таки Гхритачи?!) оценивающе смотрела на меня снизу вверх.

– Да, в общем, ничего... Владыка. Тебе даже идет...

– В каком это смысле «идет»?!

Я начал закипать.

– В прямом. Просто раньше ты никогда этого не делал.

– Не... не моргал?!

– Ну конечно! Ведь Миродержцы не моргают!

Вот так встаешь утром, радуешься жизни и вдруг узнаешь о себе столько нового и интересного! Подойдя к полированному бронзовому зеркалу на стене, я пристально всмотрелся сам в себя. Попробовал не моргать. Глаза не слезились, и неподвижность век казалась совершенно естественной. Моргнул. Тоже ничего особенного. Не менее естественно, чем до того.

Змей Шеша их всех сожри, наблюдательных!

Испортили настроение...

Я громко хлопнул в ладоши, сдвинув брови, и с этой минуты никого уже больше не интересовало: моргаю я или нет, и стоит ли проснувшемуся Индре ополаскивать лицо? Потому что отработанный до мелочей ритуал вступил в силу – сто восемь юных прислужников, воз-

³ Тапас – досл. «Жар» (второе значение – «подвиг»); особый вид энергии, накапливаемый членом любой касты, выполняющим свой долг, но особенно концентрируемый теми, кто сознательно предался аскезе, истязанию плоти. Может быть обменен на соответствующий материальный или духовный дар; учитывается при выборе следующего перерождения, также расходуется при сбывающихся проклятиях и т. п.

никнув из ниоткуда, выстроились вдоль стен павильона со златыми сосудами в руках, умелые массажисты принялись растирать меня благовонными мазями и омыwać травяными настоями, покрывать кожу сандаловыми притираниями и украшать цветочными гирляндами.

После чего, облачась в подобающую сану одежду, я прошествовал к выходу, сопровождаемый мальчиками с опахалами из хвостов белых буйволов.

Покинув павильон, я прогнал огорченных мальчиков и в одиночестве направился к казармам дружины.

3

На половине пути к казармам, откуда доносился веселый лязг оружия и молодецкие выкрики, меня остановил Матали, мой личный возница. Вернее, это я его остановил. Матали как раз выезжал из-за поворота дороги, мощеной тесаным булыжником и ведущей к границе Обители Тридцати Трех – дальше начинались пути сиддхов, доступные лишь посвященным. И то стоило быть внимательным, чтобы вместо какого-нибудь Хастинапура, где тебя ждет совершающий обряд раджа, не залететь в Пут, адский закуток, где в ужасной тесноте мучаются умершие бездетными.

Впрочем, к Матали это никакого отношения не имеет.

Чутьочку рисуясь, возница лихо подбоченился и позволил поводьям провиснуть. Так, самую малость, изящной дугой над кинутой под ноги шкурой пятнистой антилопы и свернутым в кольцо бичом – ни дать ни взять, ручная змея прикорнула в тепле рядом с хозяином; а четверка буланных коней радостно ржала, чувствуя намек на свободу и одновременно с удовольствием повинаясь твердой руке Матали.

Тень от белоснежного зонта падала наискосок, словно пытаясь прирастить бедро возницы к боковому щиту, предохраняющему от столкновений.

– Правый коренник ремни растянул, – поравнявшись, сообщил я Матали, чем в корне пресек его попытку восхвалить меня, перечислив все триста четыре моих прозвища вкупе с породившими их причинами. – Вон, виляет, как негулянная апсара... Куда смотришь, сута⁴?!

Матали придержал недовольно всхрапнувших коней и спрыгнул наземь. Коротко поклонился, на миг сложив ладони передо лбом. Дерзко сверкнул в упор ярко-синими глазами, напоминающими два сапфира в пушистой оправе ресниц. Знал, подлец: слабохарактерный Индра прощает своему суте больше, чем кому бы то ни было, и не потому лишь, что белокожий красавчик Матали знал любимицу-Джайтру, мою знаменитую на все Трехмирье колесницу, как свои пять пальцев! Даже не потому, что лучше его никто не мог гонять колесницу в любом направлении, от змеиной преисподней Паталы до Кайласы, горной обители Шивы, куда надо подъезжать наитишайшим образом, если не хочешь получить трезубец в бок!

Знаток ездовых мантр, синеглазый Матали был моим любимцем по одной, и очень простой причине.

Он говорил мне правду в лицо гораздо чаще прочих. И если вы хоть когда-нибудь были Громовержцем, которому правду приходится долго и нудно в прямом смысле слова выколачивать из льстецов – вы меня поймете.

Закончив разглядывать меня (что-то в этом взгляде показалось мне ужасно знакомым), Матали принялся разглядывать коренника. Точенные черты его лица (разумеется, возницы, а

⁴ Сута – возница (конюший) кшатрия-воина, в обязанности которого заодно входило сочинение хвалебных песен о своем господине.

не гордого собой четвероногого!) постепенно принимали выражение, с каким мне доселе сталкиваться не приходилось.

Удивить Матали... проще заново вспахать океан!

Молча он принялся возиться с упряжью. Лишь изредка мою щеку обжигал мимолетный сапфировый всплеск. Я стоял рядом и поглаживал ладонью бортик Джайтры; колесница трепетала от моих прикосновений страстней любой из апсар. Чувала, родная – сегодня будет дорога! Куда – еще не знаю, но обязательно будет.

– Владыка желает отправиться на Поле Куру, дабы лицезреть поединки героев? – закончив труды праведные, спросил Матали высоким слогом.

И вновь, как в случае с Брихасом, я почувствовал некую напряженность в поведении легкомысленного суты.

Сговорились они, что ли?

– Позже, – не приняв тона, ответил я.

Хмурая тень набежала на лицо возницы, и колесничный зонт был здесь совершенно ни при чем.

– Но... Владыка вчера приказал мне с утра озаботиться Джайтрой, поскольку собирался...

– Да на что там с утра смотреть-то, Матали? Сам рассуди: за две недели почти всех столичных витязей успели перебить, а остальные – так, шушера, за редким исключением... нет, не поеду.

Пристяжной жеребец легонько цапнул меня за плечо, и пришлось так же легонько, но с показной строгостью, хлопнуть злодея по морде.

Жеребец обиженно заржал и осекся под суровым взглядом возницы.

Лишь переступил с ноги на ногу, да еще всхрапнул еле слышно.

– Именно сегодня, Владыка, – похоже, Матали не сиделось на месте и он непременно хотел силком утащить меня на Поле Куру, – будут торжественно чествовать вашего сына, Обезьянознаменного Арджуну! В ознаменование вчерашней гибели надежды врагов сына Индры...

– Кого?!

Гибель надежды врагов сына... ишь, завернул, чище Словоблуда!

– Я имею в виду незаконнорожденного подкидыша, Карну по прозвищу Секач, злокозненного и...

Сам не понимаю, что на меня нашло. Еще секунда, и Матали схлопотал бы по меньшей мере увесистую оплеуху. Кажется, он тоже понял, что стоял на краю пропасти – поскольку в моей душе словно беременную тучу дождем прорвало. На миг мне даже померещилось, что слова возницы о подкидыше Карне-Секаче и его вчерашней гибели разбудили кого-то чужого, таящегося в сокровенных глубинах существа, которое называет себя Индрой; темный незнакомец просто-напросто забыл на рассвете проснуться и лишь сейчас вынырнул из тяжелой дремы, подобно морскому чудовищу из пучины... Зачем? Чтобы ударить безвинного Матали? За то, что сута искренне радуется победе Серебряного Арджуны, моего сына от земной глупышки, мужней жены, возлюбившей богов пуще доброго имени?.. Да что ж он, Матали, враг мне, чтоб не возликовать при виде трупа мерзавца, бывшего единственным реальным соперником Арджуны и поклявшегося в свое время страшной клятвой:

«Не омою ног, пока не плюну в погребальный костер Обезьянознаменного!»

Едва слова клятвы, данной покойным Карной-Секачом, пришли мне на ум – мир померк в глазах, и из тьмы родился шепот майи-иллюзии.

– ...а этот неизменно любимый твой друг, о царь, который всегда подстрекает тебя на битву с добродетельными родичами, этот низкий и подлый хвостун Карна, сын Солнца, твой

советник и руководитель, этот близкий приятель твой, надменный и слишком вознесшийся, отнюдь не является ни колесничным, ни великоколесничным бойцом! Бесчувственный, он лишился своего естественного панциря! Всегда сострадательный, он также лишился своих дивных серег! Из-за проклятия Рамы-с-Топором, его наставника в искусстве владения оружием, и слов брахмана, проклявшего его по другому случаю, а также благодаря лишению боевых доспехов своих он считается, по моему мнению, в лучшем случае наполовину бойцом!... наполовину... наполовину...

Пальцы рук, окаменев в судорожном сжатии, никак не хотели разжиматься. И фыркнувший жеребец, что стоял ко мне ближе всех, испуганно попятился, заражая беспокойством остальных собратьев по упряжке.

– Прости, Матали, – пробормотал я, глядя в землю и чувствуя, как в сознании затихают отголоски низкого голоса с еле заметной старческой хрипотцой.

Голоса, произнесшего слова, каких я никогда ранее не слышал.

– Прости. День сегодня... то моргаю, то умываюсь! Вот, теперь чуть тебя не зашиб...

Как ни странно, он меня понял.

Сверкнул белозубой улыбкой, плеснул сапфировой влагой взгляда.

Не будь я Индрой, он, наверное, потрепал бы меня по плечу.

– Пощечина от Сокрушителя Твердынь дороже золотого браслета, подаренного любым из Локапал! Что браслет?! – зато ласка гневной десницы Владыки способна даровать миры блаженных самому последнему чандале-неприкасаемому!

– Лстец, – отгаивая, буркнул я. – Подхалим, пахнувший конюшней. Ладно, езжай... а на Поле Куру прокатимся. Только пополудни. Договорились?

И еще долго стоял, провожая взглядом несущуюся Джайтру: буланое пламя распласталось в мгновенном рывке, хлопнуло от ласки ветра стяг, рея над Матали – ах, как он привстал, сута, сутин сын, на площадке с бичом в руках! – и россыпь искр разлетелась вдребезги на гладких камнях дороги.

Россыпь медленно гаснущих искр.

Так же медленно, неохотно, засыпал во мне чужак, баюкая зародыш плохо предсказуемого гнева, способного прорваться в мое сознание с легкостью молнии, пронизывающей громады туч.

Брихас, Повелитель Слов, родовой жрец Индры – что же ты скрывал там, у балкончика, от своего Владыки?

Кроме того, никак не вспоминалось: действительно ли я вчера приказал Матали готовить колесницу для ранней поездки на Поле Куру?!

4

Налетевший порыв ветра растрепал мне волосы, принеся от казарм взрыв здорового мужского хохота – небось, кому-то из дружинников сейчас крепко досталось! – и я опомнился.

Негоже Владыке стоять столбом поперек дороги (тьфу ты, чуть не подумал – столбовой дороги!) и хлопать ресницами. Особенно когда ни то, ни другое ему не положено. Это Шива у нас Столпник, как прозвали грозного Разрушителя упыри из его замечательной свиты – прозвали якобы за высочайший аскетизм, а на самом деле за некую часть тела, которая у сурового Шивы и впрямь столбом стоит с утра до вечера, а потом с вечера до утра!

Еще и веселятся на своих кладбищенских посиделках: «Милость Шивы – это вам не лингам собачий!» И уж совсем от смеху корчатся, когда кто-нибудь из свежих покойничков интересуется: что означает на жаргоне пишачей этот самый лингам?

Им, упырям, хорошо: хочешь – моргай, не хочешь – не моргай...

И вот тут-то появилась она. Та самая женщина, на которую я поначалу даже не обратил особого внимания. И не только потому, что, погрузившись в размышления, не заметил ее приближения. Уж больно не похожа была она на безликих красавиц-апсар. Стройная, но в меру, миловидная, но опять же в меру, одетая в простенькое бледно-желтое сари, женщина шла по обочине дороги, неся на голове высокогогорлый кувшин – и из треснувшего донца тяжело шлепались наземь капли воды.

Так и тянулись за ней быстро высыхающей цепочкой.

Будто утята за сизокрылой мамашей.

– Эй, красавица! – улыбнувшись, бросил я, на миг забыв о Матали и сегодняшних несуразностях. – Кому воду несешь-то? Гляди, вся вытечет, и придется заново ноги бить!

Женщина остановилась рядом со мной, ловко опустила кувшин к своим ногам и посмотрела на меня. Этот взгляд я запомню навсегда – еще никто не смотрел на Владыку Тридцати Трех подобным образом. Спокойно, приветливо, словно на старого знакомого, с каким можно посудачить минуту-другую, отдыхая от тяжести ноши, а потом так же спокойно распрощаться и двинуться своим путем – разом забыв и о встречном, и о разговоре.

И еще: в удлинённых глазах женщины с кувшином, в голубых озерцах под слегка припущенными ресницами, не крылась готовность отдаться немедленно и с радостью.

– Ты не апсара, – уверенно сказал я, с трудом удерживаясь от странного желания прикоснуться к незнакомке.

– Я не апсара, Владыка, – легко согласилась она, и бродяга-ветер взъерошил темную копну ее волос, как незадолго до того играл с моими.

Капли, вытекающие из кувшина, впитывались землей – одна за другой, одна за другой, одна...

Слезы приветливых голубых глаз.

– Я тебя знаю?

– Конечно, Владыка. Каждый день я хожу мимо тебя с этим кувшином, но ты, как истинный Миродержец, не замечаешь меня.

– Как тебя зовут?

Спрашивая, я случайно заглянул в ее кувшин: он был полон, по край горлышка, словно не из него без перерыва бежала вода.

– Меня зовут Кала, Владыка.

Кувшин ручным вороном вспорхнул на ее плечо, и цепочка капель потянулась дальше – к моему дворцу от границы Обители Тридцати Трех.

Уходящая, женщина вдруг показалась мне невыразимо прекрасной.

Чуть погода я двинулся следом.

Она была права. Я действительно никогда раньше не обращал внимания на Калу-Время. Как любой из Локапал. Но сегодня был особенный день.

Присев, я коснулся земли в том месте, куда впиталась капля влаги из кувшина Калы; одна из многих.

Земля была сухой и растрескавшейся.

Глава вторая ГРОЗА В БЕЗНАЧАЛЬЕ

1

Террасы и балконы, переходы и залы превращались в пустыню при моем появлении. Лишь торопливый шорох подошв изредка доносился из укромных уголков, отдаваясь эхом под сводами – предупрежденные о том, что Владыка сегодня встал с лицом, обращенным на юг, обитатели дворца спешили убраться подальше. Слухи были единственным, что распространялось по Трехмирью со скоростью, неподвластной ни одному из Миродержцев. Я ходил по обезлюдевшему шедевр Вишвакармана, божественного зодчего, моргал в свое удовольствие и тщетно искал хоть кого-нибудь, на ком можно было бы сорвать гнев.

Самым ужасным в происходящем было то, что и гнева у меня не находилось. Встречному грозила в худшем случае возможность обнаружить у сегодняшнего Индры очередную не свойственную Владыке ерунду – мало ли, может, язык у меня красный, а должен быть синий в темно-лиловую полоску!

И впрямь: кликнуть Матали и отправиться на Поле Куру?

Вместо этого я почему-то свернул от Зала собраний направо и вскоре оказался в хорошо знакомом мне тупике. Сюда никто не забредал даже случайно, справедливо опасаясь последствий. Однажды мне даже пришлось отказать гостю, Локапале Севера, когда он пожелал... Я отрицательно качнул головой, и умница-Кубера, Стяжатель Сокровищ, не стал настаивать. Лишь сочувственно взглянул на меня и перевел разговор на другую тему.

Одна-единственная дверь, сомкнув высокие резные створки, красовалась по правую руку от меня, и я прекрасно знал, что именно ждет меня за одинокой дверью.

Нет, не просто помещение, через которое можно попасть в оружейную.

Мавзолей моего великого успеха, обратившегося в величайший позор Индры, когда победитель Вихря-Червя волею обстоятельств был вынужден стать Индрой-Червем. Так и было объявлено во всеуслышание, объявлено дважды; и что с того, что в первый раз свидетелями оказались лишь престарелый аскет и гордец-мальчишка, а во второй раз бывший мальчишка стоял со мной один на один?!

Червь – он червь и есть, потому что отлично знает себе цену; даже если прочие зовут его Золотым Драконом! Как там выкручиваются певцы: лучший из чревоходящих? Вот то-то и оно...

Словно подслушав мои мысли, створки двери скрипнули еле слышно и стали расходиться в стороны. Старческий рот, приоткрывшийся для проклятия. Темное жерло гортани меж губами, изрезанными морщинами. Кивнув, я проследовал внутрь и остановился у стены напротив.

На стене, на ковре со сложным орнаментом в палевых тонах, висел чешуйчатый панцирь. Тускло светилась пектораль из белого золота, полумесяцем огибая горловину, и уложенные внахлест чешуйки с поперечным ребром превращали панцирь в кожу невиданной рыбы из неведомых глубин. О, я прекрасно знал эту чудо-рыбу, дерзкого мальчишку, который дважды назвал меня червем вслух и остался после этого в живых! – первый раз его защищал вросший в тело панцирь, дар отца, и во второй раз броня тоже надежно защитила своего бывшего владельца.

Уступить без боя – иногда это больше, чем победа.

Потому что я держал в руках добровольно отданный мне доспех, как нищий держит милостыню, и не смел поднять глаз на окровавленное тело седого мальчишки. Единственное, что я тогда осмелился сделать – позаботиться, чтобы уродливые шрамы не обезобразили его кожу. И с тех пор мне всегда казалось: подкладка панциря изнутри покрыта запекшейся кровью и клочьями плоти. Это было не так, но избавиться от наваждения я не мог.

А мальчишка улыбался. Понимающе и чуть-чуть насмешливо, с тем самым затаенным превосходством, память о котором заставляет богов просыпаться по ночам с криком. Ибо нам трудно совершать безрассудства, гораздо труднее, чем седым мальчикам, даже если их зовут «надеждой врагов сына Индры»; и только у Матали, да еще у бывалых сказителей, хватает дыхания без запинки произнести эту чудовищную фразу.

Именно в тот день Карна-Подкидыш стал Карной-Секачом; а я повесил на стену панцирь, некогда добытый вместе с амритой, напитком бессмертия, при пахтании океана.

Ах да, еще серьги... он отдал мне и серьги, вырвав их с мясом из мочек ушей – что, собственно, и делало его Карной, то есть Ушастиком! Он отдал мне все, без сожалений или колебаний, и теперь лишь тусклый блеск панцирной чешуи и драгоценных серег остался от того мальчишки и того дня.

Обитель Тридцати Трех пела хвалу удачливому Индре, а у меня перед глазами стояла прощальная улыбка Секача.

Как стоит она по сей день, всякий раз, когда я захожу в этот мавзолей славы и позора.

Я, Индра-Громовержец.

Индра-Червь.

Не стой я здесь, я почувствовал бы попытку нападения гораздо раньше.

Игра света на ребристых чешуйках превратилась в пламя конца света, в пожирающий миры огонь, и я ощутил: еще мгновение, и его жар выжжет мне мозг.

Дотла.

Только безумец мог решиться на такое.

Самое страшное, о чем можно помыслить: бой с безумцем.

С незнакомым безумцем.

2

...словно рассвет Пралаи, Судного Дня, рванулся ко мне, огненной пастью стремительно прорастая из пекторали доспеха. Тщетно: я уже не видел слепящей вспышки, вовремя покинув привычное тело, привычные стены, Обитель Тридцати Трех, вырвавшись из «здесь» и «сейчас» в то неназываемое Безначалье, где только и могут всерьез сражаться боги.

Такие, как я.

Или как тот, кто обрушил на меня подлый удар.

Пламя ворвалось туда следом за мной. На мгновение кровавый высверк взбаламутил безмятежные воды Предвечного Океана – но косматые тучи уже собрались над оскверненной гладью, и огонь ударил в огонь. Закутавшись в грозу, я воздел над головой громовую ваджру⁵, знаменитое оружие из костей великого подвижника; рев взбесившейся бури, грохот, мечущий

⁵ Ваджра – досл. «молния», плоский кастет сложной формы, чаще четырех – или шестиугольной, которым сражались рукопашную или запускали в противника. Громовая ваджра – традиционное оружие Индры, и огненный перун олицетворяет именно она, а не стрела или копье, как стало привычно в гораздо более позднее время.

искры смерч – и чужое пламя корчится, гаснет, безвозвратно уходит в небытие... или в сознание, которое его исторгло.

Ты уверен в этом, Владыка?

Нет. Я в этом не уверен.

Возможен ли неуверенный Громовержец?!

Невозможен.

Но – есть.

– Кто осмелился поднять руку на меня, Индру, Владыку Богов, Мiroдержца Востока?!

Голос мой трубным рыком раскатился над водами Прародины; но трубы эти показались детским хныканьем в сравнении с обрушившимся из ниоткуда ответом:

– Ты – Индра?! Ты – Владыка Богов?! Ты – презренный червь на бедре смертного! Ничтожество, жалкий вымогатель, кичащийся полученным не по праву саном! Так быть же тебе на веки вечные червем, слизистым гадом...

Презрение обволокло меня со всех сторон, липким саваном навалилось на плечи, превращаясь в бормотание мириад ртов, в давящий рокот обреченности; под его чудовищной тяжестью я стал сжиматься, корчиться, судорожно извиваясь, как раздавленный червяк... Но в последний миг, когда густая волна ужаса и бессилия уже захлестывала мое сознание, гася последние искорки мыслей – цепи отчаянья вдруг лопнули внутри меня. Сокрушительный удар отшвырнул, разметал клочьями силу чужого проклятия; захлебнувшись, смолк насмешник-невидимка, давая мне вздохнуть полной грудью, пошли мерять простор бешеным махом волны Предвечного Океана – и невиданный по силе гнев вспыхнул в душе Индры!

Давно я так не гневался! Пожалуй, еще с тех пор, когда один из смертных заполучил чудовищный по последствиям дар – под взглядом Змия любое существо отдавало ему всю свою силу! – и стал именовать себя Индрой, разъезжая по небу в колеснице, запряженной святыми мудрецами! Еще и мою Шачи себе в жены потребовал, скотина! Мразь! Упырь мерзкий!..

Воспоминание о Змие действовало не хуже топленого масла, подлитого в жертвенный огонь – веер хлещущих направо и налево молний излился наружу, ярясь в поисках притаившегося во тьме врага. Но напрасно металась дети мои, громовые перуны, над бурной водой – безучастен остался океан, ничто не пошевелилось в его таинственных глубинах, и никто не осыпался пеплом с молчаливого небосвода.

А когда ярость моя иссякла, так и не обрушившись на неведомого противника, над океаном послышался смех.

– И это все, что ты можешь? Поистине, я прав: ты червь, и ничего более!

– А кто ты, расточающий бессмысленные оскорбления? Кто ты, презренный трупоед из касты чандал-неприкасаемых, не решающийся явить свой истинный лик и сразиться со мной, как подобает?! Бьющий в спину, из-за угла, забыв долг и честь?! Кто ты, боящийся жалкого червя?!!

Голос мой снова набирал силу и вскоре легко перекрыл растерянно умолкший смех. Слова рождались сами собой, словно их вкладывали в мои уста – но кто бы ни помогал сейчас Индре, пылающему от гнева, он отвечал достойно! Я и сам не смог бы ответить лучше.

– Выйди, покажись, предстань передо мной! Взгляни в глаза червю на бедре смертного! Ты страшишься слизи и объятий чревоходящего? – так отчего же мне бояться тебя?! Ты назвал меня трусом? В таком случае ты сам трусливее во сто крат! Покажись – или беги с позором, и не смей более беспокоить Громовержца, ибо недостойно Владыки сражаться с такими, как ты!

Голос более не отзывался.

Лишь шумел Предвечный Океан, безразличен к сварам и гордости своих правнуков.

3

Я медленно приходил в себя. Гораздо медленнее, чем хотелось. Окружающее черта за чертой обретало резкость, предметы возникали из небытия, меркло, тускло видение Океана, струящегося в Безначалье...

Разумеется, я стоял все там же, перед панцирем и серьгами Карны-Секача, чью гибель сейчас, небось, шумно праздновали на Поле Куру. Стоял и растерянно моргал (в привычку входит, что ли?!), наверное, отнюдь не походя в этот момент на грозного Индру, только что метавшего молнии в невесть кого, заставляя содрогаться воды Прародины.

Кто?! Кто посмел напасть на меня?!

Первый вопрос, который возник в моем сознании, едва я вновь ощутил свое тело.

Это не могло быть проклятием неведомого аскета: такие проклятия всегда сбываются, и противостоять им бесполезно. Всеобщая аура тапаса, окутывающая Трехмирье, позволяет подвижнику накопить столько всемогущего Жара, что даже сам Брахма не в силах помешать отшельнику исполнить задуманное и произнесенное.

Человек, бог или распоследний пишач-трупоед – если он предался сознательной аскезе с целью получить дар, то накопление соответствующего количества Жара-тапаса зависит теперь лишь от его выдержки и терпения.

Кроме того, я, да и другие небожители, уже не раз испытывали на собственной шкуре действие подобных проклятий. Результат? Я, например, попадал в плен, проигрывал сражения и однажды даже прятался в венчике лотоса. У могучего Шивы, раздразившего целую обитель отшельников, напрочь отвалилась его мужская гордость (впрочем, у Разрушителя, величайшего развратника, но и величайшего аскета нашего времени, оказалось достаточно собственного Жара, чтобы его замечательный лингам вскоре отрос, став краше прежнего). Миродержец Юга, Петлерукий Яма, был проклят собственной мачехой, редкостной стервой, из-за чего Яме даже пришлось умереть – что на нем, Властелине Преисподней, никак не отразилось...

Но все это выглядело совсем по-другому! Да прокляни меня какой-нибудь благочестивый брахман, которому я чем-то наперчил в молоко – я бы просто в тот же момент превратился в вышеозначенного червяка! На соответствующий срок, без всяких молний, огненных вихрей, зловещего смеха и обмена «любезностями»!

Внезапная стычка скорее напоминала давнюю битву с Вихрем, погибелью богов; тем паче что проходила она как раз над теми же Безначальными Водами! – вот где было вдосталь и огня, и молний, и разнообразного грохота... Значит, не аскет? Значит, равный?! Кому из оставшихся титанов-асуров, небожителей или Миродержцев наступил на мозоль Индра-Громовержец?

И, самое главное – кто помог мне одолеть безымянного врага?..

Наглухо утонув в размышлениях, которые отнюдь не прибавляли ни веселья, ни сил, я собрался было уходить – но в глаза мне бросилась злосчастная пектораль, не так давно полыхавшая огнем. Дело, в общем, крылось не в ней, и не в выманенных у Карны доспехах с серьгами; совпадение, атака невидимки вполне могла застать меня, к примеру, в трапезной или на ложе с апсарой. Но блики рассеянного света, играя на полумесяце вокруг чешуйчатой горловины, на глади белого золота, даже сейчас были странными, складывающимися в...

Во что?!

Я пригляделся.

Река. Струится, течет в неизвестность, колебля притаившиеся в заводях венчики лотосов; и тростники качаются под лаской ветра. Да, именно река и именно тростники. Вон селезень плывет. Толстый, сизый, и клюв разевает – небось, крикает. Только не слышно ничего.

И тростники совсем близко, качаются у самых глаз, будто я не Индра, а какая-то водомерка над речной стремниной. Или труп, раздутый утопленник, которого воды влекут невесть куда и невесть зачем.

Дурацкое сравнение на миг привело меня в замешательство – и почти одновременно изменилась картина, легкий штриховой набросок поверх тусклой пекторали.

Поле боя. Замерло, стынет в ознобе неподвижности: задрали хобот трубящие слоны, цепенеют лошади у перевернутых колесниц, толпятся люди, забыв о необходимости рвать глотку ближнему своему... и перед тем, как исчезло с металла призрачное изображение, я еще успеваю увидеть.

Молния, бьющая из земли в небо.

Неправильная молния.

Невозможная.

Наоборотная.

...спустя мгновение в пекторали панциря отражалось лишь мое лицо.

И никаких молний.

4

– Владыка! Прошу простить за беспокойство, но...

Наконец до Владыки дошло, что обращаются именно к нему, а не к кому-то постороннему, и Владыка соизволил неторопливо обернуться. Бог я все-таки или нет? Сур или не сур?! А нам, богам-сурам, поспешность не к лицу.

Как и отягощенность лишними размышлениями.

Передо мной навтыжку стоял дружинник-Марут. Браслеты на мускулистых руках свистели о чине десятника. Обнаженный торс дружинника крест-накрест пересекали бронированные ремни, и каждый оканчивался с двух сторон мордами нагов из черной бронзы. Зубы разъяренных змей намертво вцепились в широкий пояс, покрытый бляхами, и глаза Марута сверкали ярче полировки металла.

Ну любят меня сыновья Шивы, дружиннички мои, головорезы облаков, любят, что уж тут поделаешь!

Как там в святых писаниях:

– Сияют в темных облаках доспехами,
Надевши латы, в буйный час проносятся,
Звучат в грозе свирели бурных Марутов,
Хмельные в бой они выходят с пиршества.

Хмельные-то хмельные, а спуску никому не дают...

– Осмелюсь доложить, Владыка: к Обители приближается Гаруда!

– Что, братец Вишну в гости пожаловал? – пробормотал я, морщась.

Только Опекуна мне сейчас не хватало!

Вишну был младшим из сыновей мамы Адити-Безграничности. Последышем. Я родился седьмым, а он – двенадцатым, да еще и недоношенным, потому что мама была уже в возрасте,

и наш небесный целитель Дханва, автор лекарской Аюр-Веды, советовал маме не рисковать и избавиться от зародыша. Мама отказалась – проклятье, чуть не вырвалось: «Увы, мама отказалась!» Но так или иначе, братец Вишну выкарабкался и сперва был у нас мальчиком на побегушках, выполняя мелкие и шекотливые поручения. Дальше-больше, у младшенького проклюнулся талант аватар, то есть умения частично воплощаться в различные живые существа – и эта способность Вишну изрядно помогла нам выкрутиться из ряда ситуаций.

Мы и оглянуться не успели, как рядом с Брахмой-Созидателем и Шивой-Разрушителем образовался Вишну-Опекун; и он же первым назвал эту компанию Тримурти.

Троицей.

Мы не возражали.

И впрямь – кроме Созидания и Разрушения, невредно иметь под рукой менее радикальную Опеку, к коей можно прибегнуть в тех случаях, когда Созидание и Разрушение излишни.

Точнее: когда неохота стрелять ваджрой по воробьям.

Дерзай, малыш!

– ...Нет, Могучий, Гаруда летит один!

Я вздохнул с облегчением. Интересно, что понадобилось в чертогах Индры моему пернатому другу? Давненько он здесь не появлялся!

– Хорошо, десятник. Распорядись, чтобы очистили площадку за южными террасами. Которые с коралловыми лестницами, около манговой рощи. Короче, подальше от строений. И крикните этому сорвиголове, чтоб уменьшился – а то опять мне все пожелай-деревья с корнем вывернет, как в прошлый раз!

– Слушаюсь, Владыка! – и Марут мгновенно исчез, лязгнув напоследок браслетами о ремни.

Что ж, придется встретиться с птичкой. И я направился к выходу, по дороге пытаюсь отрешиться от обуревавших меня мыслей.

Отрешиться не удавалось.

– Сажайте Проглота⁶ на площадку за южными террасами! – громыхнуло со двора. – Какие еще апсары? В мяч играют?! Дуры безмозглые! Гоните их оттуда в три шеи, пока птичка не накрыла!

– Что, Упендра⁷ пожаловал? – осведомился ехидный бас.

«Не слишком-то мои Маруты уважают Великого Вишну, – усмехнулся я. – И есть за что! Не успеешь разделаться с каким-нибудь асуром или демоном, как тут же выясняется, что победил его Владыка Тридцати Трех исключительно благодаря помощи хитроумного Вишну, которого во время битвы и близко не было! А пройдет год-два – и с удивлением обнаруживаешь, прогуливаясь инкогнито на столичных базарах: это, оказывается, сам Упендра и сразил нечестивца, а Индра тут вообще ни при чем! Спал, бездельник, пока Опекун надрывался!».

Недаром среди Марутов уже который век бытовала шутка, когда у излишне расхваставшегося воина язвительно интересовались: «Ты что упендриваешься, герой? Небось, аватара Вишну?»

Как раз когда я выбежал из дворца, небесная лазурь на мгновение померкла, и огромная тень с шумом урагана пронеслась над головой.

– Гаруда, уменьшайся!!! – в один голос заорали Маруты, но было поздно. За дальними беседками, со стороны манговой рощи, послышался треск, визг апсар и недовольный орлиный клекот.

⁶ Гаруда – гигантский орел, способный менять облик; вахана (т. е. ездовое животное) Вишну – Опекуна Мира. Так, например, вахана Шивы – бык, Брахмы – гусь, Ганеши – крыса и т. д. Корень «Гар» в слове «Гаруда» означает «глотать». Ср. греч. «гарпия».

⁷ Упендра – досл. «Маленький Индра», прозвище Вишну, как младшего из сыновей Адити.

Ну вот, опять не вписался в посадочную площадку! Я мысленно погрозил кулаком лучшему из пернатых и понесся в ту сторону, где опустился Гаруда. Свиту с собой брать явно не стоило, хотя птица была велика не только размерами. В конце концов, мы с Проглотом друзья или как?!

Вот я у него по-дружески и спрошу, с глазу на глаз...

– Раз лежит помету груды – значит, прилетал Гаруда! – продекламировал у меня за спиной кто-то из бегущих следом Марутов. В отличие от меня, сыновья Шивы недолюбливали не только самого Вишну, но и его вахану.

Вывернув из-за летнего павильона, выстроенного из полированного песчаника, я чуть не врезался в опрокинутую беседку – и имел счастье лицезреть гостя.

Гаруда, уже успев уменьшиться до почти нормальных размеров, расстроено оглядывал последствия своей посадки. Сейчас лучший из пернатых был весьма похож на человека. Ну и что с того, что вместо носа у него – загнутый клюв, шея покрыта отливающими синью перьями, за спиной сложены крылья, а землю подметает веер хвоста? Зато в остальном – человек как человек, разве что еще когти и привычка коситься то одним глазом, то другим...

– Рад видеть тебя, Гаруда, друг мой! – провозгласил я, огибая изрядно помятые кусты колючника-ююбы, которые укоризненно смотрели на меня бледно-голубыми цветами.

– И я рад, о Владыка, друг мой! – в хриплом клекоте Гаруды безуспешно пряталось смущение. – Простишь ли ты мне столь неудачный визит?! Кажется, я слегка примял твой сад...

Я огляделся по сторонам.

Действительно, «слегка примял»!

С ближней беседки была напрочь снесена крыша, и драгоценные камни карнизов теперь озорно перемигивались разноцветными блесками: ни дать ни взять, брызги воды в растрепанной шевелюре травы. Два благоухающих пожелай-деревья были сломаны и жалко топорщились измочаленными стволами; попав под удар крыла, пострадал, хотя и меньше, еще десяток деревьев; растерзанная клумба, пролом в ограде бассейна, сорванные вихрем капители, из-за чего колоннада террасы казалась неприлично лысой – и вывороченный дерн по краям двух огромных борозд, что перепахали всю лужайку!

Ах, да – еще три апсары в глубоком обмороке.

– Да уж, друг мой, могло быть и лучше, – обернулся я к потупившему взор Гаруде. – Ведь кричали тебе: уменьшайся! А ты?

– А я не успел, – развел руками несчастный Гаруда, и перья на его шее встопорщились воротником. – Думал – обойдется. Вот если бы эта площадка была чуть-чуть побольше...

– А ты чуть-чуть поаккуратнее, – подхватил я, и лучший из пернатых вконец сник, лишь закричал от смущения.

– Ладно, приятель, не грусти, – я дружески хлопнул его по плечу, едва не отбив ладонь о торчащие кости, и орел наш мгновенно воспрял духом. – Мои слуги сейчас же займутся Обителью. Только прошу тебя – в следующий раз постарайся не задавать им лишней работы. Договорились?

– Конечно, друг Индра! – просиял Гаруда и в подтверждение нерушимости своего слова громко щелкнул клювом.

– Ну а теперь – давай-ка найдем какую-нибудь уцелевшую беседку и спокойно поговорим наедине. Ты ведь прилетел не для того, чтобы ломать мое жилище? Верно?

– Верно! – с удивлением обернулся ко мне пернатый друг, явно недоумевая, как я мог сам об этом догадаться. Похоже, он только сейчас вспомнил о цели своего прилета. – Только распорядись сперва, чтоб мне... нам... ну, насчет обеда! Летаешь в этом Трехмирье, летаешь, а как сядешь, так, веришь, готов слона слопать!

Я едва сдержал улыбку. Не зря мои Маруты прозвали птичку Проглотом!

– Ну разумеется, друг мой! Слона не обещаю, но чем богаты...

Словно в подтверждение, издалека, от врат Обители, донесся гневный слоновий рев – гигант Айравата любил Гаруду примерно так же, как и дружинники.

5

С огромным блюдом змей, запеченных на углях, Гаруда расправился в один момент; явно хотел попросить добавки любимого лакомства, но остерегся лишний раз подтвердить свое прозвище.

– Благодарю за угощение, Владыка, – пернатый друг от души рыгнул, смутился и облизал замаслившийся клюв.

Зрелище было грандиозное!

Не верите – попробуйте повторить.

– Змеи пропечены в самую меру... Только пора перейти к делу. Не хотелось бы отягощать тебя чужими заботами, но мне больше не к кому обратиться. Все-таки я – вахана Великого Вишну, а ты – его старший брат... И кому, как не нам, обсудить странности, что творятся в последнее время с Опекуном Мира?!

«Ага, и с ним тоже!» – едва не брякнул я, но вовремя сдержался.

– Я думаю, друг мой, это временно. Просто Опекун Мира взвалил на свою могучую шею непосильную даже для него ношу...

Соображал Гаруда не слишком быстро, так что пришлось пояснить – для особо пернатых:

– У твоего повелителя на земле сейчас живут по меньшей мере три аватары. Кришна Двайпаяна⁸, Черный Островитянин, знаменитый мудрец; Кришна Драупади, Черная Статуэтка, жена пятерых братьев-Пандавов; и главная его аватара – Кришна Джанардана, Черный Баламут, вождь племени ядавов. Многовато даже для Опекуна! Неудивительно, что Упендра... э-э-э... Великий Вишну кажется тебе странным – ему ведь приходится присутствовать одновременно в четырех местах, причем в разных аватарах!

– Почему в четырех?

– Да потому что четвертый и есть сам Вишну!

– Я не об этом! – досадуя, что я его опять не понял, взъерошил шейные перья Гаруда. – К тому, что мой повелитель последние лет сорок похож на призрака, сиднем сидит дома и редко произносит что-либо вразумительное, я давно привык! В конце концов, его аватары смертны – уйдут к Яме, и станет Вишну таким, как раньше! Тут дело в другом. Захожу я сегодня в покои Опекуна...

Уже не первый год Гаруда хозяйничал во дворце Вишну, да и во всей Вайкунтхе – имении Опекуна. Его повелитель был занят куда более важными делами: через свои аватары он заботился о процветании Трехмирья.

Но кто-то же должен был все это время заботиться о его собственных владениях?

Такое дело было как раз для Гаруды. Никто и не пытался оспаривать права гигантского орла – только попробовали бы! И добросовестный птицебог исправно наводил порядок в Вайкунтхе, пока Опекун наращивал количество земных аватар, переходя во все более размыто-призрачное состояние. Это беспокоило Гаруду, но в редкие минуты просветления Опекун объяснял Лучшему из пернатых, что причин для волнения нет. Истечет время, отпущенное его аватарам для исполнения предначертанного – и он, Вишну, вновь станет прежним.

⁸ Здесь и далее – точный перевод. Кришна – Черный, Двайпаяна – Островитянин, Драупади – Деревянная Статуэтка, Джанардана – Баламут, Возмутитель Людей.

Вполне осязаемым и единым.

«Предначертанное? Кем?!» – хотел тогда спросить лучший из пернатых. Но Вишну уже снова впал в забытие, растекшись разумом между аватарами, а Гаруда вдруг догадался:

«Да им же самим и предначертанное!»

Как это он сразу не додумался?!

А суть предначертаний интересовала простоватого птицебога в последнюю очередь.

...В общем, Гаруда продолжал верно служить повелителю. При этом он все чаще ощущал себя не управляющим, а господином Вайкунтхи, и такое положение дел ему крайне нравилось.

«Да продлится жизнь аватар повелителя на долгие годы!» – думал он иногда. Могучий и свободный, повелевающий обширными владениями, Гаруда был вполне доволен теперешней жизнью и не слишком жаждал возвращения прежних времен: туда лети, сюда лети, то делай, сего не делай... Вишну, понятно, виднее – на то он и Вишну! – но пусть уж лучше Опекун печется о благе Трехмирья, а его вахана тем временем...

И обедать можно трижды на день.

Однако сегодня, войдя в покои повелителя, Гаруда сразу заподозрил неладное. Вишну не было! Внутреннее чутье, что позволяло мигом определить присутствие сокровенной сущности Вишну, утверждало: Опекун не здесь! Лишь мгновение спустя Гаруда заметил бессмертное тело Опекуна – туманный силуэт прислонился к колонне, отрешенно воздев руки к резному потолку.

Тело, безусловно, находилось здесь, зато сам повелитель... не было никакого сомнения, что Вишну ушел в Безначалье!

Когда нужно, Гаруда умел соображать достаточно быстро. За все время пребывания в аватарах Вишну ни разу не покидал Вайкунтхи – ни разумом, ни телесно. Несомненно, случилось что-то серьезное, раз повелитель махнул рукой на расстройство... расчленение личности и в теперешнем состоянии отважился выйти в Безначалье! Но, ослабленный земными воплощениями, Опекун сейчас не обладал и десятой долей обычных возможностей! Оказаться на Прародине, традиционном месте поединков богов-суров и их грозных противников...

Опекуна надо было спасать!

И как можно скорее.

Руки птицебога сами собой разошлись в стороны, словно Гаруда пытался обнять все Трехмирье; с шумом распрямились за спиной мощные крылья; горящие угли глаз – не птичьих, но и не вполне человеческих – казалось, прожгли зыбкую оболочку реальности... и в следующее мгновение гребни волн Предвечного Океана уже рванулись навстречу лучшему из пернатых.

Вой урагана вместе с солеными брызгами обрушился на Гаруду, веля убираться, пока цел, но птицебог лишь нехорошо рассмеялся, принимая свой истинный облик. Гигантские крылья отшвырнули бурю прочь, клекот заставил гром на миг умолкнуть, и Гаруда устремился вперед.

«Где же Вишну?!» – обеспокоенно колотилось сердце. Гаруда готов был поклясться, что его повелитель находится здесь, в Безначалье! Но... но его здесь не было!

Не было!

Ошибка исключалась: присутствие Опекуна не могло остаться тайной для Гаруды.

– ...Так быть же тебе на веки вечные червем, слизистым гадом... – издевательски разнеся над Изначальными водами незнакомый голос.

Почти сразу в ответ сверкнуло яростное пламя, и целый веер ослепительных молний ударил издалека.

Переливы их сполохов окрасили кровью беснующийся Океан.

«Индра! Сражается с кем-то!» – мигом сообразил Гаруда, с трудом уворачиваясь от одной из громовых стрел.

Лучший из пернатых никогда не был трусом, но попасть под перун разгневанного Индры не отважился бы, наверное, и сам Разрушитель Шива. Поэтому Гаруда принял единственно правильное решение, и мгновением спустя был уже снова в покоях Вишну. Увы, реальность Безначалья сомкнулась за его спиной недостаточно быстро – и шальная молния, вырвавшись следом, успела слегка опалить хвостовое оперение птицебога.

Тело Вишну стояло на прежнем месте, у колонны, воздев руки к своду покоев. Повелитель был здесь, в Вайкунтхе; повелитель был там, в Безначалье – и в то же время его не было нигде!

Гаруда с опаской помянул нехорошим словом разгневанного Громовержца – и в следующий момент ощутил присутствие Вишну. Словно свеча зажглась во мраке. Бессмертное тело бога уронило руки и, не обратив никакого внимания на остолбеневшего Гаруду, неуверенным шагом направилось прочь из покоев.

Птицебог остался на месте и не стал ни о чем спрашивать.

Знал: бесполезно.

6

– ...И чего ты ждешь от меня, друг мой?

– Как чего? – изумился Гаруда. – Ты – Владыка Богов, ты обязан знать обо всем, что происходит в Трехмирье... да и в Безначалье тоже! Что, если это козни зловредных асуров? Или ракшасов? Или...

Лучший из пернатых поразмыслил, но не нашел, на кого бы еще можно было возложить вину за происшедшее.

– Кроме того, ты – мой друг! К кому мне лететь, как не к тебе? Не к Брахме же! Этот соня меня и слушать бы не стал!

– Ты прав, друг мой, – мысли разбегались, но надо было что-то отвечать встревоженному Гаруде. – Я действительно вел бой в Безначалье. Не зная, с кем сражаюсь. Такое случилось впервые, и раньше я считал это невозможным. Проникнуть в Безначалье, напасть оттуда на одного из Мiroдержцев и остаться неузнанным?! Да, Гаруда, ты вдвойне прав, что прилетел именно ко мне.

– Если тебе понадобится помощь, рассчитывай на меня, – поспешил заверить Гаруда. – Возникнет нужда – вот...

Слегка поморщившись, он выдернул из хвоста перо и вручил мне этот знак внимания.

– Сожги его – и я появлюсь так быстро, как только смогу.

«Мало тебе в Безначалье хвост припало?» – к счастью, я вовремя сдержался, вполне искренне поблагодарив своего пернатого друга; и Гаруда, попрощавшись, взлетел, быстро увеличиваясь в размерах.

«Кажется, пора, – подумал я, следя, как медленно тает в лазури небесных сфер силуэт бесхитростного птицебога. – Пришло время Свастики Локапал.»

Глава третья СВАСТИКА ЛОКАПАЛ

1

Я выпрямился во весь рост, слегка покачался на носках, привстав на цыпочки, и крестобразно раскинул руки. Глаза закрылись сами собой, и темнота внутреннего зора миготом расцвела лиловыми и сиреневыми пятнами – лотосы в ночном пруду. Полусомкнутые венчики колыхались вне времени и пространства, и я ощутил себя распростертым на земном диске, лицом вниз, к вселенскому змею Шеша, на чьих головах покоилась твердь.

Пока все шло, как надо.

Происходящее слегка напоминало детскую игру: холодно... теплее... тепло... горячо! Когда я ощутил Жар, присутствие тапаса, окружавшего Трехмирье плотным коконом, то в кончиках пальцев рук и ног закололо, мурашки побежали из меня наружу – и я отчетливо почувствовал, как изгибаются концы креста-Индры. Посолонь, слева направо, с востока через юг – на запад и север; так ученик обходит учителя, сын – отца, младший – старшего, свершая знаменитую ПРАДАКШИНУ, «круг почета».

Обратное движение, так называемая АПАСАВЬЯ или «мертвецкое коло», свершалось лишь врагами в бою. Да еще яджа-ведьмами, служительницами Черной Яджур-Веды, чьи заклинания несли порчу и разрушение всему живому.

Смерть после этого казалась избавительницей в лазоревых одеяниях – если, конечно, она приходила.

На миг я отвлекся, а когда снова собрал разбежавшиеся мысли, то поверх земного диска уже лежал не крест – свастика. На восемь сторон света. И Жар стал почти нестерпимым, выжимая капли пота, заставляя сердце стучать неровно, захлебываясь собственным ритмом. Теперь оставалось самое трудное: не просто стать свастикой, но и произнести это вслух – так, как поступал Тваштар⁹-Плотник по завершении любого из своих творений, будь то летающая колесница или тела богов. Сам Тваштар был легендой даже для меня. Я сильно сомневался, что этот Плотник когда-либо существовал и тратил время на создание моего тела (тоже мне, велика ценность, хотя и неплохо сработано!), но обряд произнесения слова «Свастика» был в данном случае неукоснителен.

Первые два слога – «свасти» – на благородном языке означали утверждение «хорошо есть!», а окончание «ка» (будучи одновременно первой буквой благородного алфавита) усиливало общее значение, как бы подводя итог «и хорошо весьма!». Видимо, Тваштару изрядно нравилась собственная работа, если он после каждого дела восклицал на все мироздание:

– Хорошо есть, и хорошо весьма!

Мне бы хоть толику такой бодрости духа... Хотя бы затем, что, вызывая восьмерку Локапал-Миродержцев, я должен воскликнуть «Свастика!» с теми же ощущениями, какие предположительно возникали у бодрого Плотника.

Так, что у нас сегодня было хорошего? Умывался, моргал, болтал со Словоблудом... с Матали... отказался ехать смотреть битву и чествование, стоял у доспеха Карны-Секача, рубился над Предвечным Океаном непонятно с кем... опять же – видения в пекторали...

Нехорошо, братцы, и нехорошо весьма!

⁹ Тваштар – «Творец» (второе значение – «Плотник»).

Ощущение Жара стало уплывать, кончики пальцев пробрала дрожь, и я понял: еще минута-другая, и у меня ничего не получится. Бодрости это не прибавило, и я начал лихорадочно вспоминать события вчерашние, позавчерашние, месячной, годовой давности – ну не может такого быть, чтоб не нашлось хоть чего-нибудь хорошего! Увы, хорошее нашлось, но с одной оговоркой: сегодняшние события почему-то казались единственно реальными. Все остальное проказница-память игриво превращала в плоские картинки, ни уму ни сердцу. Вроде бы со мной происходило, и вроде бы не со мной!.. Тело остывало, свастика поверх земного диска грозила скомкаться, потерять форму – я был готов расплакаться от бессилия, и пусть потом апсары судачат, что прежний Индра не плакал, а исключительно радовался и громыхал молниями!

Молниями...

Словно белое золото проклятой пекторали вновь воссияло передо мной; поле боя, беззвучно трубят слоны, оцепенели люди, чье-то тело простерлось ничком у накренившейся колесницы, руки разбросаны в разные стороны, изломаны углами – и неправильная молния, бьющая в небо из этого плотского креста, громовой ваджры, свастики...

И чужак во мне проснулся, сладко потягиваясь внутри смерча из огня и грохота.

– Хорошо! – воскликнул он, дыша полной грудью. – И хорошо весьма!

Мне осталось только присоединиться.

В следующее мгновение Жар усилился, и я ощутил по правую руку – восток.

Потому что я, Индра, и был Миродержцем Востока, владетелем Айраваты, одного из четырех Великих Слонов.

Дальше все пошло как по-писаному. Сознание послушно раздвоилось: один Индра лежал (стоял?) в виде охватывающей Трехмирье свастики, другой же совершал прадакшину, двигаясь по кругу, начиная с востока.

Юго-Восток. Сурья-Солнце откликнулся почти сразу, и мне стало гораздо легче: от дружеского прикосновения Сурьи, моего родного брата, сил прибывало втрое. Не зря, наверное, племена дравидов называли его – Вивасвят, освящая изображением солнца свои алтари.

Я улыбнулся, продолжив движение от Сурьи к его сыну и моему племяннику.

Юг. Царство Мертвых, Преисподняя – и Петлерукий Яма начинает сдвигать густые брови, исподволь внимая далекому зову. Черный буйвол беспокойно топчется под Адским Князем, и на миг стихает вечный стон геенны, даруя суровому господину время тишины и понимания.

Юго-Запад. Пожиратель жертв Агни, которого те же дравиды зовут по-своему – «Огнь». Пылающий при каждом обряде, в каждом очаге, в каждом погребальном костре... откликнись, рыжебородый! Да я это, я, кто же еще! И Жар радостно сливается с огненной усмешкой Агни, очищающего все, к чему бы он ни прикоснулся.

Запад. Еще один из моих братьев, самый старший, Варуна-Водоворот, Повелитель Пучин. По-дравидийски – «Бурун». Трубит его слон Малыш, и эхом откликаются мой белый гигант Айравата вместе с южным самцом Лотосом-Великаном. Прохладой веет от ответа Варуны, и всякий раз, когда я сталкиваюсь со своим старшим братом, мне кажется: то, что еще до моего рождения именно Варуна правил Трехмирьем чуть ли не в одиночку – не ложь. Хотя сам Водоворот никогда не отвечал нам прямо на этот вопрос. Улыбался, хитрил, исчезал в своих глубинах... Да и сейчас – почему-то из восьмерки Локапал-Миродержцев последнее слово, как правило, оставалось за ним, а не за мной. Хотя я поначалу считал, что за мной, что это моя мысль, мое слово, а пенноволосый Варуна лишь подтолкнул, направил; я считал, да и кто не считал?! Ладно, двинулись дальше...

Северо-Запад. Ваю-Ветер, Дыхание Вселенной. И дуновение шестого Локапалы ласково смахивает капли пота с моего лба. Словно вздох, еле слышный лепет: «Ва-а-аююю...» Зато

когда он во гневе, то на его дороге лучше не становиться. Сметет и не заметит. Помню: давным-давно, пресытись ласками апсар, я вместе с Ветром и Солнцем ухлестывал за красавицами-обезьянами в южных лесах Кишкиндхи – и непоседливый детеныш Ваю от одной из наших любовниц насквозь проел мне печенку. Раздраженный, я оплеухой сломал обезьянышу челюсть. Обидевшись на меня, Ваю вместе с хнычущим сыном заперлись в горной пещере, и Трехмирье едва не задохнулось. Пришлось во главе всей Обители тащиться в горы и просить Ваю прекратить добровольное заточение. К счастью, Ветер отходчив – о, как я был рад, когда он почти сразу вылетел мне навстречу и припал к моим ногам, обнимая колени, хотя я сам был рад сделать то же самое!

Север. Кубера-Кубышка, Стяжатель Богатств; трехногий, одноглазый и восьмизубый урод. А как его любят женщины! Злопыхатели утверждают, что блеск золота делает красивой даже древесную мокрицу, но здесь причина в ином. Просто Кубышка – самый покладистый из всех нас, и женщины это чувствуют. Нам они отдаются, а его любят. Жалеют, наверное. Кто их поймет? И в рев трех слонов вплетается четвертая труба – серый Хозяин, старик со сточенным правым бивнем, радостно откликается на зов родичей.

И, наконец, Северо-Восток. Сома-Месяц, Господин Растений, извечный недоброжелатель Суры-Солнца. Гордец, в свое время осмелившийся украсть жену у моего Словоблуда. Доигрался, Двурогий – сперва разразилась война, где мне волей-неволей пришлось поучаствовать, а после проклятие Брихаса настигло похитителя, и ссора закончилась мирными переговорами. Правда, с тех пор докричаться до Месяца стоит большого труда, и я рад, что Локапала Северо-Востока – последний в ряду.

Свастика замкнута.

Хорошо.

И хорошо весьма.

2

...Ощущение выхода из Свастики Локапал было, как всегда: хуже не придумаешь!

Минуту назад твой разум, твоя суть, ты сам весь без остатка простирался над миром (да что там – над Трехмирьем!); а теперь... Наступил черед похмелья. Я, Индра-Громовержец, корчился от осознания собственной ничтожности, подобно скользкому червю на бедре мертвого! Да, именно так! Тварь земная, съевшийся от страха червячок, в безмозглой головенке которого, если у червя есть голова, ползает лишь одна жалкая мыслишка: поскорее втиснуться в подвернувшуюся щель, укрыться, спрятаться...

И прожить лишнюю минуту.

Прожить – червем.

Я предвидел, что будет плохо; я знал, как будет плохо, но даже не подозревал, что в этот раз окажется НАСТОЛЬКО плохо! Нас, Локапал, называют Мiroдержцами – и я в очередной раз ощутил это, как будто все Трехмирье действительно держалось на мне, на моих плечах; да что там – Я САМ и был Трехмирьем, единственно сущим и всеобъемлющим! И после этого возвращаться в одно-единственное тело? Пусть даже в тело Владыки Богов?

Поневолe ощутишь себя жалким червяком...

Все, хватит о червяках! Что ж это за день такой распроклятый?! Я – Индра, Могучий и Стогневный! Один из восьми Мiroдержцев, который собственными силами создал Свастику

Локапал и узнал кое-что... впрочем, от обретенного знания хотелось быть подобно голодному пишачу-трупоеду, или вдребезги напиться сомы¹⁰, или...

Я так и сделал. В смысле, быть не стал, а отправился пить сому.

Сейчас, конечно, больше пришелся бы ко двору черпачок-другой суры¹¹, но сура во дворце у Владыки? Да как можно?! Мы, боги-суры, грубых материй внутрь не употребляем! Хотя трижды назови ее «божественной» – нет, и все! Отродясь не водилось в Обители этого мирского напитка. Поскольку все твердо знали: возлияния Владыке совершают сомой и только сомой.

А жаль.

Когда-то я хотел разыскать того мерзавца, кто установил подобный канон, потратил кучу времени и сил – но все зря.

То ли умер, умник, то ли спрятался.

3

Сома хранилась на нижнем ярусе, в подвалах, дорога в которые мне была отлично известна. За столько веков немудрено изучить всю Обитель сверху донизу, как собственную ладонь, да и найти сомохранилище можно с закрытыми глазами.

По запаху.

Особенно когда душа горит.

Вдоль стен, выложенных из сырцового кирпича, до самого потолка высились деревянные стеллажи. Древесина благоуханного алоэ по сей день сохраняла легкий аромат, и он смешивался с испарениями сомы, кувшинами с которой были тесно заставлены полки. На округлых боках кувшинов, на охряных выпуклостях, четко просматривалось клеймо: изображение Сомы-Месяца в окружении венчиков Лунного Лотоса.

Венчики были красивые, а Месяц – нет.

На нетопыря похож.

Я аккуратно снял ближайший кувшин и перешел в помещение для мелких возлияний. Крупные полагалось проводить на свежем воздухе, между пяти алтарей и со столь внушительными обрядами, что после глоток в горло не лез. Взял подходящие для принятия священного напитка чаши. Золотые. Три штуки. Чтоб часто не наливать. Это в гимнах Индра выпивает реки и озера сомы, после чего идет громить правых и виноватых. А в жизни нам и кувшинчика достанет...

Прочтя необходимые мантры, я откупорил кувшин, и мутноватая жидкость, булькая и пенясь, устремилась в жаждущий «рот» с орнаментом по ободку. Когда первая чаша была полна до краев, я не удержался и прочел вслух один маленький безобидный яджус¹². Черненький такой. Как смоль. Этого, разумеется, делать не полагалось, и после него сома чуть горчила, зато крепость...

Не идеал, конечно, но и не ослиная моча!

Вот это, собственно, и называлось «пить горькую», что бы там ни утверждали приверженцы суры. Сура в любом случае крепче, но вкус у нее сладковатый...

¹⁰ Сома – священный слабоалкогольный напиток, получаемый из горной эфедры.

¹¹ Сура – крепкий алкогольный напиток, получаемый путем дистилляции, которая была известна в Индии как минимум за четыре тысячелетия до н. э.

¹² Яджус – заклинание из Яджур-Веды (бывает Черная и Белая).

– Пьем, значит, – гнусаво констатировал за моей спиной знакомый голос. – Пьем втихую, позорим звание Громовержца, да еще и Яджур-Ведой в тихой Обители балуемся...

Я поперхнулся сомой и на мгновение ощутил себя не могущественным Локапалой, а нашкодившим мальчишкой («Все лучше, чем червяком!» – мелькнуло где-то на самом краю сознания).

Лишь одно существо во всем Трехмирье могло позволить себе обращаться ко мне подобным образом. Мой родовой жрец-советник, Словоблуд-Брихас, Наставник богов.

На благородном языке – Сура-гуру.

И в единственном случае: когда мы оставались с ним наедине, что случалось отнюдь не часто.

Почему «существо»? Да потому что Словоблуд, по сути своей, не являлся ни богом-суром, ни асуром, ни демоном, ни уж, тем более, человеком или, скажем, лесным ракшасом. Так же, как и его то ли двоюродный брат, то ли друг, то ли, наоборот, заклятый враг Ушанас, Наставник асуров. Оба были бессмертны, как и мы, мудры (как немногие из нас!), а возраст их для всего Трехмирья оставался загадкой; равно как и происхождение. Официально Наставники считались внуками Брахмы, но так ли это было на самом деле, не знал никто. Подозреваю, что и сам Брахма. Вполне возможно, что Словоблуд с Ушанасом являлись ровесниками Прародителя Существ, а то и – чем Тваштар не шутит?! – были на день-другой постарше. Мысль выглядела достаточно кощунственной, но тем не менее, она не раз приходила в голову.

И не только мне.

– Мудрец подкрался незаметно, – выдавил я, проглотив наконец сому, вставшую поперек горла. – Присаживайся, Наставник... Не желаешь ли вкусить со мной благого напитка?

– Желаю, – с ехидцей ухмыльнулся Брихас, усаживаясь напротив. – Только без твоих отвратительных яджусов.

Сейчас он был, как никогда, похож на престарелого самца кукушки, уставшего от любовных песен и пересчитывания чужих лет.

Я немедленно наполнил вторую чашу для жреца – благо напиток в кувшине был обычный, незаговоренный.

Отхлебнули.

Помолчали.

– Может, все же расскажешь мне, старику, что не дает тебе покоя, мальчик мой? – поинтересовался наконец Словоблуд, оглаживая гирлянды на шее. Глаза его в этот момент стали серьезными и очень внимательными.

Я не обиделся. Привык. Кроме того, по сравнению с ним я действительно был еще мальчишкой.

И буду.

– Расскажу, – немного подумав, кивнул я, подливая в обе чаши из кувшина; третья чаша сиротливо притулилась сбоку, словно ожидая кого-то. – То, что я вдруг начал моргать и умываться, ты, наверное, уже знаешь?

– Знаю.

Даже тени улыбки не возникло на морщинистом лице. Так выслушивают сообщения о начале войны и передвижениях войск противника.

– Тогда остается рассказать тебе, что я выяснил, войдя в Свастику Локапал.

– Тебе это удалось? – вот теперь в голосе мудреца прозвучало легкое удивление.

– А почему это не должно было мне удалиться? – в свою очередь изумился я. – Раньше получалось – и теперь получилось! Правда, не сразу... Ладно, замнем. Слушай же внимательно, Идущий Впереди...

Я задумался, решая, с чего начать.

И начал с юга.

С Преисподней.

ЮГ

Муж необорный, могучий, в багряной одежде,
С веревкой в руках, пепельно-бледный,
огнеокий, страшный...

...Яма на миг задержался у переправы через Вайтарани¹³. Удивительно! – но богу показалось, что впереди, над возникшим по велению Адского Князя мостом, мелькнула оскаленная пасть. Щербатый рот гиганта, сотканный из огня, с пламенными зубами-змеями, которые извивались в предвкушении поживы.

На вечно хмуром лице Ямы появилось что-то, похожее на безгливость. Он отродясь не видывал у себя в аду подобной пакости! «Померещилось, что ли?» – подумал бог, и мысль эта показалась чуждой Петлерукому Яме. Не его мысль! Мiroдержцу Юга, богу Смерти и Справедливости, никогда еще ничего не мерещилось.

Тогда что ж это за огненная тварь завелась в его владениях?!

Кинкары¹⁴ шалят?

Бог решительно двинулся вперед. Но перила моста перед ним ожили, прорастая пляской клыков, пучина Вайтарани вздыбилась горбом, в лицо Князю Преисподней пахло гнилым жаром... Яма негодуя вскрикнул, отшатываясь назад – и в следующее мгновение понял, что происходит.

Нападение!

Вызов из Безначалья!

Разверстая, словно пылающая печь, пасть уже смыкалась вокруг него, но теперь Яма точно знал: это всего лишь иллюзия, мара – настоящая битва развернется не здесь.

Бог, презрительно усмехнувшись, очертил перед собой левой рукой круг. Он давно привык быть левшой, потому что вместо правого запястья из предплечья Князя росла удавка. Смертельная для любого живого существа Петля Ямы. Жизни самого бога это не облегчало, но в бою Петлерукий Яма был страшен. Пространство внутри круга испуганно замерцало, заребило, как подсвеченная изнутри гладь водного зеркала – и Мiroдержец Юга без колебаний шагнул внутрь.

В простор над Предвечным Океаном.

Невидимые кольца змея-гиганта мгновенно оплели его тело, не давая шевельнуться, и проклятая тварь начала постепенно сжимать скользкие мускулы. В глазах потемнело, во мраке, словно звезды, роились мириады огненных пастей; они надвигались отовсюду, приближались вплотную, и богу Смерти стало страшно.

Яма закричал.

Крик резко прозвучал во тьме, разбудив кого-то, спавшего глубоко внутри, на самом дне личной Преисподней Адского Князя – и чужак приподнялся в гибнущем Локапале, озираясь по сторонам.

Громоподобный рев потряс Безначальные своды. В ужасе шарахнулись прочь свинцовые воды Прародины, затрещали под чудовищным напором кольца в чешуе; Петля Ямы хлестнула наотмашь, воздух прахом осыпался вниз, в Океан, а в левой руке разъяренного бога возник

¹³ Вайтарани – адская река из нечистот, крови и тому подобного.

¹⁴ Кинкары – слуги Адского Князя, остроухие и красноволосые.

всесокрушающий Молот Подземного Мира, единственный удар которого разметал в клочья призрачную гадину.

– Кто ты, дерзнувший?! – зарычал Яма, дрожа от переполнявшего душу бешенства. – Покажись!

Гулкая издевательская тишина была ему ответом.

Шаг – и Яма вновь стоял у переправы через Вайтарани.

Пасть над мостом исчезла, и лишь в тающей пелене колыхалось странное видение.

Яма всмотрелся.

Поле боя. Замерло, стынет в ознобе неподвижности: задрали хобот трубящие слоны, цепенеют лошади у перевернутых колесниц, толпятся люди, забыв о необходимости рвать глотку ближнему своему... И могучий седобородый воин умирает на ложе из оперенных стрел. Множество их торчало из его тела, сплетаясь с теми, что составляли ложе умирающего, и трудно было разобрать, которые из стрел образуют ложе, а которые – пьют остатки жизни из грозного некогда, а ныне беспомощного витязя. Стояли вокруг, понутив головы, израненные соратники, провожая в последний путь своего предводителя, и бил рядом невиданный родник, тонкой и чистой свечой устремляясь в небо.

Старый боец устало вздохнул, веки смежились, чело разгладилось, и безмятежное спокойствие снизошло на его лицо.

Лицо мертвого.

Больше Яма ничего не видел.

4

– А теперь послушай, что случилось с Повелителем Пучин Варуной, – помолчав, вновь заговорил я, стараясь не смотреть в глаза Наставнику.

Крылось в этих глазах что-то такое, отчего даже мне, Индре-Громовержцу, было зябко заглядывать в их глубину.

И, стремясь избавиться от неприятного ощущения, я снова принялся рассказывать.

ЗАПАД

Темно-синий, как туча, властитель водной шири,
обладатель тенет неизбежных, владыка
загробного мира гигантов...

...Варуна так и не понял, что заставило его обернуться.

Бог привычно скользил по зеленовато-лазурной поверхности океана (о, не Предвечного! – обычного, земного...), удобно расположившись в мягком седле с высокой лукой. Подпруги седла сходились под брюхом любимой белой макары¹⁵ Водоворота. Ничего особенного, обычная вечерняя прогулка на сон грядущий. Лучший способ отрешиться от забот прожитого

¹⁵ Макара – зубастое морское чудовище, ездовая вахана Варуны, Локапалы Запада; по всем признакам – крупная акула. Она же – символ Камы, бога любви.

дня, в очередной раз слиться с красотой океана, что мерно дышит предзакатной негой, и, отринув суетность мира, немного поразмышлять о Вечном.

Это был своего рода ритуал, неукоснительно исполнявшийся Повелителем Пучин вот уже много веков. Да что там – веков! Слово-то до чего несуразное... Еще тогда, когда ни о какой Троице никто и слыхом не слыхивал, а Водоворот с Митрой-Другом (позднее – Митрой-Изгнанником) вдвоем вершили судьбы Трехмирья – уже в то седое время...

И все-таки неясный порыв заставил Повелителя Пучин вынырнуть из грез и оглянуться.

Его макару поспешно догонял морской змей. Не самый крупный из тварей глуби, но и далеко не малыш. В лучах заходящего солнца чешуя змея искрилась огнями-сплохами, гребень топорщился зазубренными шипами, а в глазницах светляками в янтаре рдели разгорающиеся угли.

«Что-то не припомню такого, – подумал Варуна, дергая вислый ус, больше похожий на водоросль. – Небось, посыльный, из дворца...»

Змей был уже совсем близко. Варуна придержал недовольную таким оборотом дел макару – и тут с удивлением заметил, что выраставшего прямо на глазах змея окутывают облака пара.

Словно тело рептилии источало нестерпимый жар, от которого морская вода с шипением испарялась.

– Как это понимать?! – грозно нахмурил брови Повелитель Пучин.

В ответ пасть змея распахнулась неестественно широко, и из зева вырвалось золотистое пламя, само, в свою очередь, принявшее форму разинутой пасти с пламенными клыками.

Белая макара от рождения ничего не слышала про такую глупость, как страх. Вечно голодная, она немедленно ринулась на врага с явным намерением перемолоть его своими страшными челюстями. Ей было не впервой сталкиваться и с более серьезными на вид противниками, рано или поздно попадавшими в ее бездонное брюхо, однако Варуна придержал зубастого «скакуна» и просто махнул рукой в сторону змея, как бы набрасывая на него незримое покрывало.

Не успела рука Водоворота опуститься, как возникшая из ниоткуда пенная волна высотой в добрых четыре посоха накрыла змея, гася извергаемое им пламя.

Однако, едва осела кипень пены, как пышущая жаром пасть вновь устремилась к Повелителю Пучин, и Водоворот даже не заметил, в какой момент очутился в Безначалье.

Змея не было. Был сплошной рев стены огня, которая тянула к Мировдержцу Запада жадные жаркие языки.

Даже бесстрашная макара растерялась!

Старейший из Локапал только усмехнулся и, не слишком торопясь, погрузился в воды Предвечного Океана, уходя на глубину.

Однако огонь окружил его и здесь, в толще Безначальных вод! Этого не могло быть – но это было!

Жар опалил лицо, проникал внутрь, под кожу; казалось, кровь вот-вот вскипит в жилах, мысли плавилась, путались, текли лавой – и последним усилием, судорогой бытия, меркнувшее сознание Локапалы вцепилось в некий глубинный стержень, который один еще сохранял твердость внутри расплавленной лужи.

Души бога.

Стержень вздрогнул, завибрировал – и в следующее мгновение взорвался.

Величайший гнев рванулся наружу из глубины естества Водоворота, и необоримая Сеть Варуны развернулась кольцом, двинувшись навстречу огненным языкам, стремясь захватить, спеленать, не выпустить неведомого врага...

И огонь исчез.

Словно его не было.

Еще только приходя в себя, Варуна вынырнул на поверхность Прародины, машинально сматывая Сеть, которая послушно вернулась в его руку.

Никого.

Предвечные Воды были пустынными.

5

– ... Душа бога, подобная расплавленной луже? – задумчиво повторил Словоблуд, клонув носом. – Красиво. Хотя жутковато. И что, Варуне после битвы тоже было видение?

– Да, было.

– Поле боя? Замерло, стынет в ознобе неподвижности: задрали хобот трубящие слоны, цепенеют лошади...

– Не совсем. Поле боя, но кругом всюду гремит битва. Только Водовороту до нее нет никакого дела, поскольку великое горе застилает пеленой его глаза. Он садится, скрещивает ноги, потом его хватают за волосы, рядом сверкает вспышка – и все.

– Так почти неделю назад погиб на Поле Куру восьмидесятипятилетний Дрона, великий воитель, Брахман-из-Ларца, – глухо пробормотал Брихас, играя распушенным концом гирлянды.

Я кивнул.

Я тоже думал об этом.

– А Яме привиделась смерть Гангеи Грозного по прозвищу Дед.

Теперь пришлось кивнуть моему собеседнику.

– Ну и на сладкое: слушай мою историю и не говори, что она неоригинальна, – усмехнулся я.

Усмешка вышла кривой, и веселой не более, чем погребальный костер.

На этот раз Словоблуд молчал еще дольше, словно разучился говорить, так что я не выдержал первым.

– Чью смерть видел я?

– Чью смерть? Разве ты не знаешь, Индра? – старик очнулся, закашлялся, и щеки его обвисли чуть ли не до самого пола. – Ты видел смерть Карны-Секача. Того, чей панцирь...

Словоблуд осекся и спешно хлебнул из чаши.

– Прости, Индра. Я не хотел... Скажи лучше глупому старцу: Яма и Варуна – они тоже не поняли, кто умирал в их видениях?

– Не поняли. Во всяком случае, не больше меня. Что, как я вижу ТЕПЕРЬ, весьма удивительно. Ведь все мы следили за битвой на Поле Куру, все имели счастье в подробностях лицезреть... Еще и в ладоши хлопали, «Славно!» кричали! Кстати, Наставник, ты сопоставил, что все три видения напоминают Миродержцам о гибели трех предводителей столичных войск?! Дед был первым воеводой, Брахман-из-Ларца – вторым, Карна-Секач – третьим... и все трое когда-то учились у Рамы-с-Топором!

Говоря это, я вдруг ясно увидел: блеск ручья, брызги зелени между переплетением лиан – и изможденный лик аскета, у ног которого дремала секира с именным клеймом Разрушителя. Адская бездна плеснула на меня смолой из глазниц подвижника, заставив отшатнуться, пискнул дурак-удод в гуще олеандра; и отзвук фразы, которая, скорее всего, никогда не была произнесена, зашуршал в моих ушах:

«Вначале пал Дед, за ним – Брахман-из-Ларца, и теперь пришла очередь Секача. Мы стоим на пороге Кали-юги, Эры Мрака-а... а-а-а...»

Я замотал головой и украдкой вытер пот со лба.

Сома пенилась в чаше Словоблуда, и он смотрел на всплывающие пузырьки, словно от них одних зависела судьба Трехмирья.

– Кроме того, Наставник: Яма еще удивлялся, почему к нему не являются воины, погибшие на Поле Куру? Пришли буквально единицы, хотя люди гибнут тысячами! Да и те, что соизволили явиться... Адский Князь не вполне понимает, что им делать в Преисподней?! Вроде бы, по заслугам им положено оказаться в моих мирах – а они почему-то свалились в ад! Петлерукий в недоумении; и я, признаться, тоже. Неужели на Курукшетре гибнут сплошь праведники?! Тогда мои миры должны быть забиты великими людьми под завязку!

– Ты знаешь, я, собственно, за этим и пришел, – мне показалось, что Брихас не на шутку встревожен последними словами. Загадочные нападения из Безначалья его, понимаешь ли, не волнуют, а какой-то миллион покойников... – За две недели битвы к нам не попал ни один человек.

– Как это?! – я едва не расплескал сому себе на колени. – Ты уверен?

– Абсолютно.

– Куда же тогда подевалась вся эта уйма убитых?! Не в миры же Брахмы?! Они ведь кшатрии, что им там делать?!

– Я проверял. У Брахмы их тоже нет, – без тени улыбки ответил Наставник. – И как раз собирался связаться с Ямой, но ты сам принес мне ответ.

– Что происходит с нами, Идущий Впереди? Ты старше и опытней меня – может быть, ты знаешь, в чем дело? Или хотя бы догадываешься?

– Нет, мальчик мой, не знаю. А догадки мои столь смутны и страшны, что их опасно высказывать вслух – от этого они могут сделаться явью. Пока я доподлинно не уверюсь хоть в чем-нибудь... Ясно одно: видения Мировдержцев связаны с битвой людей на Поле Куру. Надеюсь, тебе удастся...

– Мне?! – я был изумлен настолько, что забылся и перебил Наставника.

Словоблуд не обратил на это внимания, хотя в других обстоятельствах мне пришлось бы выслушать длинную проповедь о вежливости, благочестии и уважении старших.

– Тебе. Час назад прибыл гонец от твоего сына. Серебряный Арджуна молит Владыку Тридцати Трех о личной встрече в Пхалаке – это лес на юго-западе от Поля Куру. Достаточно дремучий, чтобы встреча была действительно с глазу на глаз.

– Гонец? От Арджуны?!

– Ну, не совсем гонец... Просто твой легкомысленный сын поймал за ухо оплошавшего гандхарва, когда тот пролетал мимо, и велел отправляться в Обитель с посланием. Отказать Арджуне гандхарв не решился, но также не решился и беспокоить тебя. Вся Обитель шепчется: Индра с утра не в духе... Вот крылатый гонец и осмелился потревожить старину Словоблуда.

– Я еду! Сейчас кликну Матали...

– Я уже распорядился. Колесница готова и ждет тебя. Куда ехать, Матали знает.

– Ты, как всегда, предусмотрителен, Наставник, – мимо воли улыбнулся я. – Предусмотрителен вплоть до дерзости.

– С вами приходится, – Словоблуд слегка изогнул бескровные губы, что должно было, по всей видимости, означать ответную улыбку. – Езжай, Индра, выясни, что там стряслось у Обезьянознаменного Арджуны, а я тем временем разужнаю, где находится эта пресловутая троица. Невредно было бы с ними поговорить...

– Какая троица?

Занятый мыслями о сыне – Арджуна скорее дал бы себя оскопить, чем воззвал ко мне попусту! – я совсем забыл о предыдущем разговоре с Брихасом.

– Троица воевод, чью смерть видели вы, троица Локапал. Видели, и не смогли опознать. Брихас сглотнул и тихо повторил, видимо, для себя самого:

– Гангея Грозный по прозвищу Дед; Наставник Дрона по прозвищу Брахман-из-Ларца; и Карна-Подкидыш по прозвищу Секач.

Нет, все-таки он действительно мудрец! А у меня все из головы повылетало...

– Хорошо, Идущий Впереди. Так и сделаем. А когда я вернусь – мы выпьем еще по чашечке сомы. Потому что я никак не могу избавиться от ощущения, что у нас с тобой, и не только с тобой, осталось очень мало времени!

Последняя фраза вырвалась у меня сама собой, будто шальная молния.

Наставник бросил на меня быстрый внимательный взгляд.

– Кажется, ты начинаешь взрослеть, мальчик мой, – тихо проговорил Словоблуд, и блеклые глаза старика потеплели.

Уже выходя во двор, я вспомнил, что за нашими разговорами и питьем сомы совсем забыл сообщить Словоблуду о прилете Гаруды.

Ладно.

Вернусь – расскажу.

Главное, снова не забыть.

Глава четвертая ОТЕЦ И СЫН

1

Рыжий муравей, нахал из нахалов, копошился на моем колене. Так тщедушный горец из племени киратов-охотников возится на голой вершине скалы в поисках мха-целебника или кусочков «каменной смолки». Не надо было даже откидывать край дхоти¹⁶ и коситься вниз, чтобы обнаружить его незаконное присутствие. Туда-сюда, туда-сюда, еще и усиками, подлец, щекотался – ни малейшего почтения к Локапале Востока, который изволил посетить Второй мир!

Собратья рыжего, кишевшие вокруг в поисках пропитания, усердно делали вид, что меня не существует вовсе, а этот мерзавец облюбовал колено для послеобеденной прогулки и уходить явно не собирался.

Сперва я вознамерился сбить муравья щелчком (не молниями же по нему шарашить!), но раздумал. Может, это какой-нибудь местный Индра муравьев, Владыка Тридцати Трех муравейников, способный поднять целых две иголки, в то время как его подданные еле-еле треть осиливают! Убийство насекомого, согласно утверждениям мудрецов, кармы не отягощает, да и мою-то карму отяготить – это еще очень постараться надо!.. а все-таки пусть рыжий поживет лишний денек. Тем паче что меж узлов-корневищ папайи, на дальнем от меня конце поляны, уже завязывалось сражение: орда черных пришельцев схлестнулась с доблестными хозяевами здешних холмиков. Долг воина-кшатрия – защита личинок и маток; вон, и муравьиный Индра стремглав несется вниз по моей голени, чтобы минутой позже ввязаться в свалку на правом фланге!

А ярко-алые лепестки цветов вполне сойдут за лужи крови.

Ни дать ни взять, Поле Куру в тот самый миг, когда на нем впервые сошлись две рати, и ратхины¹⁷ обеих сторон принялись споро уничтожать собратьев по ремеслу. Как там голосили мои гандхарвы-сладкопевцы, порхая над побоищем? «Сияет красою земля, по коей разбросаны отрубленные, богато украшенные кисти рук с защитными наперстками на пальцах, а также подобные слоновьим хоботам отсеченные бедра, а также красиво причесанные головы великих героев! Величествен вид земли, по которой, словно костры, чье пламя затухает, разбросаны безглавые тела с перерубленными конечностями и шеями!» Внимая подобным панегирикам, я всегда подозревал в своих крылатых певцах тайные наклонности, которым черной завистью позавидовали бы весельчаки кладбищ, свитская нежить Шивы! Да и сравнение с Великой Битвой выглядело сейчас изрядно притянутым за уши: муравьи-то были рыжие и черные, а на Курукшетре собрались одни рыжие! Я имею в виду: одинаковые собрались, свои, родичи, Лунная династия – кто ж виноват, что судьба развела братьев и отцов с сыновьями по разные стороны?

А действительно, кто виноват?

Мысль была странной. Не приличествуют Индре такие мысли. Причем тут виноватые?! Для кшатрия погибнуть в бою – высшая честь, накопление Жара-тапаса, душа павшего наследует райские миры, и недаром вдовы покойного отталкивают друг дружку локтями, стараясь

¹⁶ Дхоти – ткань, обертываемая вокруг бедер различными способами; нижняя часть одежды на манер юбки.

¹⁷ Ратхин – рядовой воин, от слова «ратха», т. е. «боевая колесница» (ср. «ратник»).

первыми взойти на погребальный костер! А то уйдет повелитель, догоняй его потом на путях небесных...

Впрочем, на Поле Куру благополучно приканчивали себе подобных не только знатные кшатрии или вольнонаемные бойцы низших каст. Благочестивые брахманы-дваждырожденные выхвалялись знанием всех четырех видов воинской науки никак не менее, а то и поболее прочих.

За примерами далеко бы ходить не пришлось; да и не собирался я за ними ходить, за примерами.

Воюют – и ладно, пусть их... не часто выпадает подобное зрелище, чего уж судьбу гневить.

Погрузившись в раздумья, я не заметил, что уже некоторое время смотрю на муравьиное побоище пристальней, чем следовало бы. А насекомые, прекратив свару, послушно выстраиваются в боевые порядки: черные – остроносый клином «краунча», то бишь «журавлем», широко распластав крылья-фланги, а рыжие сбиваются в несокрушимую «телегу», подравнивая ряды. Вот теперь они точно напоминали войска на рассвете самого первого дня Великой Битвы; и вместо обученных слонов к муравьям уже спешили огромные жуки-рогачи, мелькая в траве перламутром спинкой.

В голове у меня почти сразу забубнил чуточку гнусавый голос Словоблуда, как бубнил он в дни моей юности, вбивая в сознание разгильдяя-Громовержца основы Дханур-Веды, Знания Лука:

– Один слон, одна колесница, пятеро пехотинцев и трое всадников составляют ПАТТИ, утроенное ПАТТИ составляет СЕНАМУКХУ, утроенная СЕНАМУКХА составляет ГУЛЬМУ, утроенная ГУЛЬМА – ГАНУ, утроенная ГАНА – ВАХИНИ, утроенная ВАХИНИ – ПРИТАНУ, утроенная ПРИТАНА – ЧАМУ, утроенная ЧАМА – АНИКИНИ, а десять АНИКИНИ составляют АКШАУХИНИ, и это есть самая крупная войсковая единица...

Помню, я тогда слушал Словоблуда вполуха, в полной уверенности: никогда, даже потратить я на это остаток отпущенной мне вечности, я не запомню все Словоблудовы премудрости. Потому что премудростей войны втрое больше, чем любовных хитростей у красавиц-апсар, а хитростей этих вдсятеро по отношению к лотосам в лесных озерах Пхалаки, где я сейчас сидел и ждал Арджуну... К счастью, я оказался не прав.

Запомнил.

Еще как запомнил.

Назубок.

Недооценил упрямство Словоблуда и свою бурную долю, оказавшуюся лучшим учителем.

Муравьи с радостью разбежались, едва я ослабил внимание, даже не подумав возобновить драку; жуки уползли в кусты, а спорхнувшая с ветки птица-каравайка выяснила, что роскошное пиршество откладывается, обиженно щелкнула на меня клювом и улетела прочь. Эх ты, пичуга, тебе и невдомек, что захоти я точно воссоздать начало Великой Битвы – мне пришлось бы опустошить все муравейники в округе, и не только в округе: ведь за спиной моего сына и его единоутробных братьев стояло семь АКШАУХИНИ войска, а позади Кауравов – целых одиннадцать. Ты считать умеешь, пернатая?! Без малого половина крора¹⁸ народу!

Эта цифра потрясла меня на какой-то миг, и потрясла еще раз, когда я вспомнил, что к сегодняшнему дню численность войск уменьшилась более чем вчетверо.

Да в Преисподней у Ямы и в райских мирах должны с ног сбиваться! Лба утереть должно быть некогда! Поди, достойно разместить такую уйму народа согласно личному тапасу каждого,

¹⁸ Крор – десять миллионов.

просчитай срок отдыха или искупления, озаботься точностью следующего воплощения... Пра-
лая, конец света!

Только где она, Пралая? Как не бывало! Тишина и благолепие! Куда ж они все деваются,
тысячи и тысячи освобожденных душ?!

Слону под хвост?

2

Похоже, он наблюдал за мной с самого начала, едва я появился в Пхалаке – и лишь сейчас
решил выбраться из чащи.

На его месте я бы тоже не очень спешил являть себя миру.

Довольно-таки захудалый представитель буйного племени ракшасов-людоедов: шерсть
слиплась колтуном, частокол желтых клыков изрядно выщерблен, глазки подзаплыли, блестят
в уголках белесым гноем. Да и росточку бедняга был, мягко говоря, невеликого – всего раза в
полтора повыше меня, когда я пребываю в обычном состоянии.

Как сейчас, например.

Приплясывая враскорячку и отменно бурча животом, ракшас направился было ко мне,
но на полдороге передумал и стал обходить кругом. Двигался этот позор своего рода как поло-
жено, посолонь, слева направо, и подобное изъяснение нижайшего почтения плохо сочеталось
с клыками и грозным видом.

А какие рожи он корчил – умора!

Я еле сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Как тебя зовут, несчастный! – наконец проревел ракшас; и закашлялся, заперхал, кло-
коча мохнатым горлом.

– Каламбхук¹⁹, – ответил я, вспомнив незамысловатую дравидскую байку.

Слюна обильно закапала из вислогубого рта прямо ему на грудь.

– Каламбхук, Каламбхук, я тебя съем!

– Не ешь меня, страшный ракшас, я тебе песенку спою!

Он подошел поближе, и шутка мало-помалу начала мне надоедать. Тем паче что пахло
от ракшаса на редкость гнусно. Даже на таком расстоянии. Если предки лесных пакостников
и впрямь родились из стоп Брахмы (сам Брахма ужасно обижался на подобные домыслы), то
эти стопы надо было предварительно не мыть месяца два, не меньше.

– А ты чего, гандхарв? – искренне изумился ракшас.

И шмыгнул расплюснутым носом.

– От гандхарва слышу! И вообще: почему ты здесь, а не на Поле Куру, где дармовой еды
навалом?! Леня ноги трудить?!

Выражение его морды могло растрогать даже скалу.

– Ишь, сказанул – на Поле Куру... Вот сам и вали туда, умник! Днем там битва, сунешься,
сразу хвост подпалят или слонищем почем зря наедут! Слонищи у них страховидные, нашего
брата ой как не любят! А ночью...

Ракшас совсем расстроился, бросил ходить вокруг да около – и присел напротив, на пова-
ленном дереве.

– Что ночью-то? – подбодрил я его.

Арджуна опаздывал, и присутствие доходяги-ракшаса скрашивало мне время ожидания.

¹⁹ Каламбхук – рисовый шарик с изюмом и мякотью финика.

– Что, что... ничего! Дерутся они, ночью! Ты, говорят, сам ледащий да золотушный, как героев бить, так тебя не допросишься, а жрешь много! Пузо, говорят, у тебя бездонное! И по шее, по шее!

– Кто ж тебе, ледащему, по шее дает?

– Дык наши ж и дают, братья-ракшасы! Которые поздоровее... а они, считай, все поздоровее! Болел я в детстве, на простокваше, будь она неладна, вырос – а им, бессовестным, начинать! Упыри еще эти, преты-клыкачи – притиснешь в сторонке мертвячка обглоданного, увлечешься над косточкой, над берцовой, а сучий сын-прет у тебя из ляжки уже кус мяса выгрыз! И урчит, зараза, косится...

Ракшас заскучал и принялся ковыряться в зубах веткой акации.

– Лучше я тебя съем, – подытожил он. – Ты, я вижу, человек тихий, душевный, такого есть – одно удовольствие и польза желудку! Брахман, небось? Дваждырожденный? Маманя-покойница мне говаривала: кушай, сынок, брахманов, благочестие в брюхе лучше чирья в ухе! Давай, давай, сымай одежду, чего время зря тянущее... а песни петь я сам стану.

Он подумал и добавил:

– Потом. На сытый желудок и поется веселей.

Стук колес, донесшийся с северо-востока, заставил его подпрыгнуть. Ракшас замотал головой, пытаясь высмотреть источник звука – и когда высмотрел, то не сразу понял: радоваться ему или огорчаться.

– Двое – это с одной стороны, хорошо, – пробормотал людоед, задумчиво сплевывая на голову банановой змейки, опоздавшей юркнуть в гущу олеандра. – Двое, и опять же лошадушки, когда сытые и не запаленные – это и коптить-вялить про запас нелишне... а с другой стороны, ежели двое да наподдадут, и опять же конь копытом!.. четыре коня восьмью копытами...

– Шестнадцатью, дубина!

– Чего?

– Четыре коня шестнадцатью копытами, – я перестал слушать его ворчание и встал навстречу сыну.

Ракшас грустно переваривал сказанное.

Судя по всему, от обещанного количества копыт у него началась изжога.

3

Колесница Арджуны шла по лесной тропе ходко, как по мощеной дороге. Разумеется, у Матали она бы вообще не касалась колесами земли – но это у Матали, синеглазого конюшего... И все равно неплохо. Весьма. Почти незаметно, что возница полностью сосредоточен на ездовых мантрах; взгляд рассеян, плывет туманом, лишь губы еле-еле шевелятся, полные, чувственные губы, женщины от такого рта, небось, до сих пор без ума...

Мой сын.

Мой единственный сын.

Мой единственный смертный сын.

Мальчик мой, что ж ты так плохо выглядишь?

Богини не рожали мне детей. И апсары не рожали мне детей. Тайком я пробирался во владения Водоворота, в резервацию к женщинам мятежного рода гигантов-данавов, рискуя, что меня заметят свои – тщетно. Сомнительный миг удовольствия, зарница на закате, и все... все. Я взял в жены Шачи, втайне надеясь, что дочь демона-убийцы Пуломана родит Индре

наследника – надежда растаяла быстрее утренней дымки над озером. Угрюмый призрак бесплодия будил меня по ночам, я избегал апсар и всерьез подумывал бросить престол и предаться аскезе...

Именно тогда я, обезумев, стал волочиться за супругами святых подвижников, и едва не стал скопцом.

Вылечила же Могучего, уже считавшего себя Бессильным, обезьяна. Ласковая самка из дебрей Кишкиндхи, которую тогда еще никто льстиво не именовал Рикшараджей, Царицей Чащи, Слезой Брахмы. Да и не искала маленькая Рикша почета или славы; просто была тихо счастлива, когда я месяцами пропадал в ее логове, нянча младенца и не откликаясь даже на призывы Миродержцев.

Он умер почти век тому назад, мой Валин-Волосач, могучий ублюдок с сердцем бога, душой святого и мохнатой мордой зверя. Его называли царем обезьян – и это была правда. Его называли Ревнителем Обетов – и это тоже была правда. Его называли Победителем Десятиглавца, неуязвимого ракшаса, ужаса богов и демонов... он жил и умер, мой сын от бескорыстной обительницы Кишкиндхи, а я узнал, что могу иметь потомство.

От обезьян.

И еще – от людей.

На миг мне показалось, что я смотрю в зеркало – до того мы были похожи. Видимо, настал день, когда боги моргают, у меня все валилось из рук с самого утра, и именно в этот проклятый день судьба уготовила Индре встречу с Серебряным Арджуной. Отцу с сыном, Миродержцу с наследником Лунной династии; вот мы и встретились. Еще когда юный Арджуна пять лет прогостил у меня, в Обители Тридцати Трех, все вокруг замечали наше сходство: и брови, сросшиеся на переносице, и миндалевидный разрез глаз, и орлиный нос, не говоря уже о летящей походке или порывистости движений. Но если я всегда проходил мимо Калы-Времени...

Арджуна выглядел сейчас, как должен выглядеть мужчина-кшатрий, заканчивая четвертый десяток. То есть почти на десять лет моложе своего реального возраста – на Поле Куру у него сражались и погибали взрослые сыновья, а вне битвы ждали новостей с маленькими внуками. Точно так же он будет смотреться, удвоив этот срок: не божественное родство, но собственный Жар-тапас Обезьянознаменного сохранит ему силы и ясность рассудка. К таким первые признаки дряхления подбираются лишь после сотого дня рождения – и то...

Я должен был видеть перед собой знаменитого воина без возраста, способного пробыть весь день на солнцепеке, не снимая доспеха; великоколесничного бойца, в одиночку останавливавшего целые армии; героя, чьим именем клялись от Двуречья Ямуны-Ганги до отрогов Восточных Гхат.

Я его и видел.

И еще видел, что незримый червь выгрызает моего сына изнутри, прокладывает в мякоти чужой души извилистые ходы, набивает брюхо краденым; и Обезьянознаменный это прекрасно знает.

Сейчас мы были похожи, как никогда.

Спрыгнув с колесницы, Арджуна кинулся ко мне. Сочная трава хрустела под боевыми сандалиями, брызжа соком во все стороны. Мне показалось, что на какой-то короткий миг герой стал мальчишкой, шестилетним огольцом, и вот сейчас самый сильный в Трехмирье отец подбросит сына к облакам, вслушается в ошалелый от счастья визг и улыбнется, отшвырнув прочь заботы и горести...

Я никогда не подбрасывал Арджуну в небо.

Я ВОЗВОДИЛ его на небо, в Обитель Тридцати Трех. И хотя я даже тогда (равно как и сейчас) был в силах подбросить сына вверх – согласитесь, негоже бросать взрослого мужчину,

прославленного героя, имеющего собственных детей, да еще в присутствии богов и гандхарвов-панегиристов.

Я прозевал его детство.

Кала-Время ревнивей апсар...

Поэтому сейчас я мог только стоять и смотреть.

В облаке пряных ароматов он припал к моим ногам, обнял колени и так замер. Лишь сопение ракшаса нарушало тишину, да еще пестрая куропатка-чакора, у которой при виде яда тускнеют бусины ее глаз, свистела в колючих зарослях.

Лес Пхалака ждал.

– Ладно, – наконец сказал я, улыбаясь, как если бы действительно секунду назад бросал в воздух восторженного шестилетка. – Не маленький уже... Ну вставай, вставай, как я с тобой разговаривать стану, с почтительным? – а уйти, так ты мне в ноги клещом вцепился! Вставай, мальчик, папа разрешает...

Росту мы тоже были одинакового.

4

И тут забытый ракшас с оглушительным воем бухнулся в ноги нам обоим.

– Горе мне! – с подобным заявлением людоеда я был абсолютно согласен.

– Горе мне, несчастному! Глаза мои бельмастые – вырву и растопчу вас, проклятые! В ослеплении посмел я грубыми словами оскорбить самого Владыку Тридцати Трех, и теперь готов принять мучительную смерть от руки Индры или его могучего сына! Но смилитесь, господа мои, не велите казнить, велите слово молвить!

Подобные высказывания я уже однажды где-то слышал, только не припомню, от кого. Впрочем, неважно. Надо отдать должное моему другу-ракшасу, пострадавшему от страховидных слонищ – соображал он быстро. Не зря, видать, до сих пор небо коптил. Сопоставить колесницу под стягом Обезьяны, идущую по лесу, аки по мраморным плитам, с нашим сходством – и сделать правильные выводы...

Простокваша в детстве, несомненно, пошла на пользу. И речь достойна царедворца: «В ослеплении посмел я...» Заранее выучил, что ли, на случай встречи?

Готовился?

– Это еще кто? – раздраженно спросил Арджуна, сдвигая густые брови.

– Местный, – я усмехнулся, но лицо сына по-прежнему оставалось сумрачным.

Странно.

Раньше он был отходчивей и уравновешенней – если только дело не касалось соперничества в воинском искусстве.

Ракшас же воспринял вопрос Арджуны, как руководство к действию, и разразился рыданиями.

У меня самого слезы на глаза навернулись – до того жалостно!

– Ведь я не просто зверь лесной, пугало достойных людей! – вопия, он бил себя кулаками в грудь, и вопли от этого выходили гулками, как рычание большого гонга. – Я – брахмаракшас²⁰ Вошкаманда, проклятый сто лет тому назад аскетом Вишвамित्रой за принуждение к мужеложству! Молил я разгневанного аскета о смягчении кары, и сжалился надо мной мудрец...

²⁰ Брахмаракшас – благочестивый ракшас; дух брахмана, недостойно ведшего себя при жизни – уводил чужих жен или коров, похищал имущество других брахманов и т. п.

«Вот это ты врешь, приятель,» – подумал я. Аскет Вишвамित्रа, чье имя на благородном языке означало «Всеобщий Друг», был притчей во языцех; и все знали, что Друг скорее вдоль и поперек распроклянет тебя за косой взгляд, чем смягчит проклятие хоть на половинку трути²¹!

По лицу Арджуны было видно, что наши мысли сходятся.

Еще бы: Всеобщий Друг, милейший аскет Вишвамित्रа, о котором я расскажу как-нибудь в другой раз, числился в списке предков моего сына и до сих пор пребывал в добром здравии! Так что когда Друг объявлялся как гром с ясного неба, желая погостить на досуге во дворце Арджуны – всем, и слугам, и хозяевам, приходилось ходить на цыпочках и приклеивать к губам улыбочку, если они не хотели схлопотать сотню лет в козлином облике!..

– И сказал мудрец, – орал меж тем ракшас, надрываясь, – что как только узрею я Владыку Индру и сына его, Серебряного Арджуну, стоящих рядом – то снимут они с меня бремя проклятия! И стану я смиренным брахманом, который живет в благоустроенной обители близ реки, имеет трех... нет, четырех прекрасных жен, детей в изобилии, многих коров и обширные духовные заслуги! Смилуйтесь, могучие, освободите!

– Врешь, небось? – спросил Арджуна, поворачиваясь к заплаканному людоеду.

Похоже, в первую минуту ракшас хотел кивнуть.

Вместо этого он, не вставая с колен, шустро пополз к нам.

– Да разве посмел бы я, Витязь...

Глаза моего сына полыхнули серебряным огнем.

Сперва я не понял, в чем дело. Количественно прозвищ Арджуна вполне мог соперничать со мной. Его звали собственно Арджуной, то есть Сребрецом или Серебряным, за цвет кожи и металл гневного взгляда. Его звали Белоконным, и это не требовало пояснений. Его звали Обезьянознаменным за изображение обезьяны на стяге, которое умело рычать во время боя – и никто никогда не додумался обратить внимание, что Арджуна похож не только на меня, но и на обезьяну-символ... нет, об этом я больше не хочу говорить.

Также Арджуна был известен как Густоволосый, Богатырь, Пхальгуна (потому что родился под созвездием с тем же названием), Савьясачин-Левша, Победоносец, Носящий Диядему...

Не устали?

Я, например, устал.

Поэтому добавлю лишь: любимым прозвищем моего сына было – Витязь. На южном наречии – Бибхатс, что значит «Аскет боя» или «Тот, кто сражается честно». Достаточно было назвать Арджуну Витязем, и он выполнял любую просьбу...

Додумать я не успел.

Арджуна сорвал с пояса ришти, железный бумеранг, и короткий взвизг рассек прятную тишину Пхалаки. Замолчала куропатка, на полувсхлипе осекся ракшас, мечтающий о благоустроенной обители близ реки и множестве коров... осекся, захлебнулся – и только спустя долгую-долгую минуту густая кровь с бульканьем полилась из перерубленного горла людоеда.

Грудой меха и вялой плоти ракшас осел на траву, скорчился, обхватил сам себя костенеющими лапами; и замер.

Даже агония не заставила его вздрогнуть.

Обжигающая волна ринулась от Арджуны к мертвому телу, поток Жара-тапаса хлынул через поляну, и я ощутил, как прилив накрывает ракшаса с головой, ворочает, подобно гальке в пене прибоя, всасывается...

Тело вытянулось на траве, один-единственный раз дернулось и окоченело.

Сразу.

Отсюда мне было видно, что ракшас улыбается.

²¹ Трути – ничтожно малый промежуток времени, 1/5 секунды.

– Возродится брахманом, – уверенно сказал мой сын. – Обители не обещаю, коров тоже, но брахманом – наверняка.

Я молчал.

И чувствовал, как утренний чужак вновь просыпается и поднимается во мне в полный рост.

«...дык наши ж и дают, братья-ракшасы! Которые поздоровее... а они, считай, все поздоровее! Болел я, в детстве, на простокваше, будь она неладна, вырос – а им, бессовестным, начихать! Упыри еще эти...»

И бумеранг-ришти в горле.

– Зачем?

Вопрос вырвался помимо моей воли.

Арджуна удивленно обернулся ко мне, и почему-то сейчас мы были совершенно не похожи друг на друга.

Ни капельки.

– Он назвал меня Витязем, – как нечто само собой разумеющееся ответил мой сын. – Вчера я поклялся убить любого, кто назовет меня Витязем. Отныне Серебряный Арджуна считает себя недостойным подобного прозвища.

Я смотрел на него, словно видел впервые.

Я и чужак во мне смотрели на Серебряного Арджуну.

Моргая.

– Ведь этот бедняга не был вчера на Поле Куру! – слова давались с трудом. – Он не слышал твоей клятвы! Даже если ты отдал ему посмертно часть своего тапаса – нельзя же так! Ведь это он людоед, а не ты!

– Я поклялся.

Это было все, что ответил мой взрослый сын.

Тихая ненависть пронзила меня с головы до ног. Чистая, как расплавленное серебро, жгучая, как вожделение к невозможному; чуждая Индре, Локапале Востока, как мечта о множестве коров чужда рыжему муравью.

– Любого? – переспросил я.

Память о ракшасе клокотала в горле.

– Любого.

– Даже меня?

– Нет, – еле слышно отозвался бывший Витязь, бледнея. – Тебя – нет.

– Почему? Потому что я – Индра? Твой отец?!

– Нет.

Он помолчал и закончил, глядя в землю.

– Потому что не смогу.

И я решил не уточнять, что он имеет в виду.

Глава пятая ПЕСНЬ ГОСПОДА

1

Летний дождь, слепой как крот и любопытный как незамужняя девица, вприпрыжку пробежался по кронам деревьев. Свалился на поляну, щелкнул по носу матерого дикобраза, который сунулся было из-за кустов, весело сплясал на трупе бедняги-ракшаса и скакнул к Арджуне. Холодные пальчики с робостью тронули металл доспеха, оставляя после себя россыпь медленно гаснущих алмазов – и дождь внезапно застеснялся, сник и в солнечных брызгах удрал прочь.

– Ты хотел видеть меня? – спросил я. – Зачем?

Во втором «зачем?» отчетливо чувствовался привкус первого.

Сладко-солоноватый привкус.

– Битва идет к концу, – как-то невпопад ответил Арджуна, и меня поразило звучание его голоса, обычно похожего на зычный гул боевой раковины.

Словно литавра дала трещину и на удар отозвалась сиплым пришепетыванием, вестником скорой смерти.

– Великая Битва идет к концу, отец. Никто не верит, что прошло всего две недели. Кажется, что вечность. Бессмысленная вечность, во время которой мы только и делали, что резали друг друга. Я спрашивал у братьев, у союзников – они не помнят начала.

– Начала? Что ж тут помнить? – две армии сошлись на Поле Куру...

– Я не об этом, отец.

– Тогда о чем? Ты имеешь в виду корни вашей вражды?

– Нет. Ты даже не представляешь, отец, как трудно мне сейчас говорить. Перебивай как можно реже, пожалуйста; и пойми – это не обида и не дерзость. Я потому и назначил тебе встречу в Пхалаке, что ближе к Курукшетре я вообще не сумел бы вымолвить ни слова. Меня пожирает изнутри второй Арджуна; и он, этот второй – не твой сын. Он лишил меня прозвища, которое я не хочу больше произносить и слышать; он толкает меня на страшные поступки, их нельзя простить – но я прощаю их самому себе. Зажмурюсь. Временами мне кажется, что я схожу с ума. Что Обезьянознаменный Арджуна – единственный, кто помнит начало.

Арджуна отвернулся. Сделал шаг, другой, присел на поваленное дерево, где незадолго до него сидел золотушный людоед, прежде чем отправиться в вечное путешествие смертных.

Горсть алмазов, запутавшись в густых кудрях моего сына, сверкала диадемой.

Лишь сейчас я заметил, что Носящий Диадему сегодня забыл одеть свое обычное украшение.

Забыл?

Или не захотел?!

– До самого первого рассвета битвы, отец, я не понимал, на что иду. Гордость ослепляла меня. Но когда мы встали на Курукшетре друг напротив друга, когда до бойни оставались считанные минуты – я велел своему вознице вывезти колесницу на полосу пока еще ничейной земли и там остановиться... Надеюсь, отец, ты еще помнишь, кто взялся быть возницей у твоего Арджуны?

Напоминание оказалось излишним. Уж кто-кто, а Индра прекрасно это помнил. Потому что поводья колесницы Обезьянознаменного крепко держал Кришна Джанардана, Черный Баламут – главное земное воплощение брата Вишну.

Аватара из аватар.

Изредка мне думалось, что Черный Баламут излишне крепко держит эти поводья – но до личного вмешательства пока не доходило.

Негоже Индре громыхать попусту на земле...

– Мы выехали вперед, отец, и я увидел их: двоюродных братьев, друзей, наставников, шуринов и свекров, дядек, пестовавших меня в детстве... Я услышал плач их вдов. Грядущий плач. Если бы кто-нибудь сказал мне за день до этого, что я способен уронить свой лук Гандиву – я убил бы негодяя на месте.

Он помолчал.

Скорбно шуршали ладони-листья удумбары – священного фикуса, из древесины которого делают трон для возведения кшатрия на царство; и капли одна за другой осыпались на простоволосую голову моего сына.

— Я выронил лук, отец. Впервые в жизни. Все волосы на моем теле встали дыбом, слабость сковала члены, и я велел Кришне ехать прочь. Совсем прочь, подальше от Поля Куру. Потому что нет такой причины, ради которой я стану убивать родичей. Или пусть он тогда отвезет меня к передовому полку наших соперников, чтобы они прикончили Арджуну. Клянусь, сказал я, что с радостью приму смерть, не сопротивляясь.

— И кто же уговорил тебя вступить в битву?

– Мой возница, – не поднимая головы, глухо ответил Арджуна.

– Черный Баламут?!

– Да. Мой двоюродный брат по материнской линии.

– Каким же образом он смог заставить сражаться отвратившегося от битвы?!

– Он спел мне Песнь Господа.

И я почувствовал озноб.

– Песнь кого?

– Песнь Господа.

– И кто же он, этот новоявленный Господь?!

– Кришна. Черный Баламут.

2

За последующий час я вытянул из Арджуны если не все, то многое. В основном, эта самая Песнь Господа была полна маловразумительных нравоучений, сводившихся к одному: Черный Баламут есмь Благой Господь, вмещающий в себя все мироздание целиком, за что его надо любить.

По возможности, всем сердцем.

Тем же, кто возлюбит Господа сердечно, безо всяких иных усилий светят райские миры, кружка сладкой суры и миска толокняной мантхи с молоком ежедневно.

Единственное, что смутило меня поначалу: это стихотворный размер Песни. Вместо обычных двустиший Господь изъяснялся редко употребляемым строем ГРИШТУБХ – укороченными четверостишиями с весьма своеобразным ритмом ударений внутри строки.

Хвала певцу из певцов, князю моих гандхарвов! – выучил, негодник...

Сперва я хотел успокоить Арджуну. Черный Баламут меня интересовал в последнюю очередь – после сегодняшних забот пусть хоть Индрой назовется, не то что Господом! Но мало-

помалу, пока я размышлял, слушая краем уха злополучную Песнь, меня стала обуревать дремота. Перед внутренним взором проносились смутные видения: кукушка в гирляндах гнусаво верещала голосом Словоблуда, земляные черви вольно резвились в остатках змеиной трапезы Гаруды, звезды моргали с лилового небосвода, Свастика Локапал дергалась на Трехмирье, агонизируя, начиная загигать края в противоположную сторону, образуя «мертвецкое коло»...

Наверное, я закричал.

Потому что огненная пасть, заря убийственной Пралаи, вновь метнулась мне в лицо, просияв из пекторали краденого доспеха – и на этот раз я точно знал, что родился, вырос и умру червем.

Крик вырвался из моей груди в тот миг, когда кружка суры и миска толочна с молоком показались мне, Индре-Громовержцу, несбыточным раем.

Арджуна смотрел на меня и молчал.

– И ты тоже? – наконец спросил мой сын почти сочувственно.

«Что – тоже?» – хотел переспросить я, но вместо этого сжал ладонями виски и заставил дыхание наполниться грозой. Ледяная волна пронеслась по сознанию, заглядывая во все закоулки, выдувая пыль и прах...

Чужак во мне одобрительно улыбнулся и с наслаждением вздохнул полной грудью.

– Ты уверен, что Черный Баламут спел Песнь одному тебе? – я повернулся к Арджуне, и под моим взглядом он попятился.

– Не уверен, отец. Теперь – не уверен.

– Песнь достаточно услышать? И райские миры обеспечены?

– Не совсем, отец. Ее надо повторять вслух. Каждый день. Как можно чаще. Повторять и любить Господа Кришну. Ибо Он сказал: даже бессмысленное декламирование Песни приравнивается к высочайшему жертвенному обряду, и любящий Меня глупец рано или поздно созреет.

Он хотел добавить что-то еще, но долго не мог. Герой и воин, гордец из гордецов, сын Индры заставлял повернуться костенеющий язык, а дар речи никак не возвращался, ускользал...

Жилы на лбу Арджуны набухли, кровь бросилась в лицо, в огромных глазах вновь заплескался серебряный прилив – и слова прозвучали.

– После того, как вчера я предательски убил Карну-Секача, я ни разу еще не декламировал Песнь.

И, глядя на него, я понял: это был величайший подвиг в жизни Обезьянознаменного.

Мышиный оленек с разгону вылетел на поляну. Сверкнул пятнисто-полосатой шкуркой, шумно понюхал воздух и, мгновенно успокоившись, принялся хрустеть свежей травой. Судьба обделила зверька статью и рогами, сделав похожим скорее на крупную белку, и с такими же выступающими из-под верхней губы резцами. Зеленая пена мигом образовалась на оленьих губах, временами он косился в нашу сторону – но уходить не спешил.

Видимо, Индра-Громовержец и Серебряный Арджуна казались глупому оленю самыми безобидными в Трехмирье существами.

Глупому – или умному оленю?!

Глядя на него, я вдруг представил невообразимые толпы людей. Море голов, колышущееся море, гораздо больше той немеряной толпы, что собралась на Поле Куру – и Песнь Господа звучала набатом из слюнявых ртов, потому что глупец рано или поздно созреет, а если просто любить и ничего больше не делать, то рай сам придет к тебе и скажет:

«Бери миску и будь счастлив!»

Дваждырожденными называли не одних брахманов-жрецов. Любой – будь он воин-кшатрий или вайшья-труженик – если только он получил образование, считался родившимся два-

жды. Если же он при этом честно выполнял свой долг – за жизнь накапливалось достаточно Жара-тапаса, чтобы душа умершего могла передохнуть в райских мирах и отправиться на следующее перерождение. Про аскетов-подвижников я и не говорю – их пренебрежение собственной плотью иногда заставляло содрогаться богов...

Для Песни достаточно было просто родиться и выучиться говорить.

– Я видел Его истинный облик, отец...

Сперва я не расслышал.

– Что?

– В конце Песни Он сказал, что все, кого я убью на Поле Куру, уже убиты Им; так что я могу не беспокоиться. Грех – на Нем. И по моей просьбе Он показал мне свой истинный облик.

– Какой?

– Мне было страшно, отец. Мне страшно до сих пор.

Я приблизился к сыну и обеими ладонями сжал его виски; крепко, до боли, как незадолго до того сжимал свои. Резко дохнул в лицо Арджуне, и он закрыл глаза, морщась от острого аромата грозы.

В светлых волосах отставного Витязя отчетливо блестели нити из драгоценного металла.

– Дыши глубже и ни о чем не думай...

Собрав Жар-тапас Трехмирья вокруг нас в тугой кокон, я заботливо подоткнул его со всех сторон, как ребенок закутывается в одеяло, спасаясь от ночных кошмаров... мы стали единым целым, сплелись теснее, чем мать с зародышем внутри, только я не был матерью, я был Индрой, и минутой позже глубоко во мне зазвучал плач покинутого младенца, испуганный голос моего сына, рождая грезы о бывшем не со мной:

Образ ужасен Твой тысячеликий,
тысячерукий, бесчисленноглазый;
страшно сверкают клыки в твоей пасти.
Видя Тебя, все трепещет; я – тоже.

Пасти оскалив, глазами пылая,
Ты головой упираешься в небо;
вижу Тебя – и дрожит во мне сердце,
стойкость, спокойствие прочь отлетают.

Внутрь Твоей пасти, оскаленной страшно,
воины спешно рядами вступают;
многие там меж клыками застряли —
головы их разmozженные вижу.

Ты их, облизывая, пожираешь
огненной пастью – весь люд этот разом.
Кто Ты?! – поведай, о ликом ужасный!..

...руки не хотели разжиматься, окоченев на мягких висках.
Секундой дольше – и я раздавил бы голову сына, как спелый плод.
Но дыхание мое все еще пахло грозой.

3

Жаль, что сейчас у меня не хватило бы сил на повторное создание Свастики Локапал. Миродержцам стоило бы рассмотреть то, что видел я; то, что уже видели трое из нас – огненную пасть, в зев которой мы кричали:

– Кто Ты?!

Разве что забывали добавлять: «Поведай, о ликом ужасный!..» – потому что мы не были людьми и плохо умели ужасаться.

– Я возвращаюсь на Курукшетру, отец, – Арджуна бережно отстранил мои руки и направился к колеснице.

При виде хозяина четверка его белых коней прекратила жевать и, как по команде, уставилась на Арджуну. Он потрепал ближайшего по холке и принялся возиться с упряжью.

Я, думая о своем, последовал за ним.

Колесница Арджуны была обычной, легкой, с тремя дышлами: к двум боковым припрягалось по одному коню, и к переднему – двое. Обезьяна на знамени тихонько зарычала, приветствуя Индру, я кивнул и погладил древко стяга.

– Обруч на тривене²² скоро даст трещину, – машинально сказал я Арджуне. – Вели перед боем заменить. Неровен час – лопнет...

Серые глаза моего сына вдруг наполнились сапфировым блеском, и мне почудилось: утро, Обитель, и Матали изумленно глядит на своего Владыку.

Сговорились они, что ли?!

– Ты... отец, ты...

– Что – я?! Опять моргаю?! Или рога прорастают?!

– Ты никогда раньше не разбирался в колесничном деле, отец! Говорил: на это есть возницы...

– А откуда тогда я знаю, что обруч твоей тривены продержится еще в лучшем случае день?!

Арджуна пожал плечами и прыгнул в «гнездо».

– Ты вернешься и продолжишь сражаться? – бросил я ему в спину. – После всего – ты продолжишь?!

– Я кшатрий, отец, – просто ответил мой взрослый сын. – Я не могу иначе.

Он медлил, молчал, потряхивал поводьями, и я наконец понял: Арджуна ждет, чтобы я, как старший, позволил ему удалиться.

– Да сопутствует тебе удача, мальчик...

Он кивнул; и грохот колес спугнул мышиноного оленька.

– Ты кшатрий, – тихо сказал я. – Ты – кшатрий. А я – Индра. И я тоже не могу иначе. Теперь – не могу.

Если б я еще сам понимал, что имею в виду...

Прежде чем покинуть Пхалаку, я должен был сделать последнее.

Вскинув руку к небу, я заставил синь над головой нахмуриться; и почти сразу ветвистая молния о девяти зубцах ударила в забытый всеми труп ракшаса.

Иного погребального костра я не мог ему предоставить.

«Возродится брахманом, – вспомнил я слова Арджуны. – Обители не обещаю, коров тоже, но брахманом – наверняка.»

²² Тривена – деталь колесницы; место крепления дышл.

– Будет и обитель, – вслух добавил я. – Обещаю.
И легконогий ветер пробежался по ветвям, стряхивая наземь редкие слезы.
Влага шипела, падая на пепелище.

4

"Внутри Твоей пасти, оскаленной страшно,
воины спешно рядами вступают..."

Рядами, значит, вступают? С песнями, надо полагать, с приветственными кликами?! Колесницы борт о борт, слоны бок о бок; обозы, видимо, бык о бык?! И как прикажете это понимать? Так, что всемилостивый и любвеобильный Господь Кришна имеет честь вкушать те тысячи и миллионы воинов, что погибли и продолжают гибнуть сейчас на Курукшетре?!

Отрыжка не мучит?!

С другой стороны: ну не мог же он ВСЕМ им спеть Песнь Господа! Горло вздуется! Хотя... хотя ВСЕМ ее петь и не было нужды.

Война – долг кшатрия.

Но если допустить, что в оскаленной пасти самозванного Господа рядами исчезают как раз без вести пропавшие души, которых обыскались в моих мирах и в Преисподней у милейшего Ямы...

Единственное слово приходило мне на ум: невозможно! Для меня и Ямы, для Шивы и Брахмы, для Упендры и его смертной аватары – невозможно!

«Но куда же тогда все эти душеньки деваются?» – в сотый раз задал я себе вопрос.

Ответ был где-то рядом, прыгал на одной ножке и, дразнясь, показывал язык. Но в руки не давался. Все-таки гнилое это дело для Владыки Богов – загадки распутывать! Наш кураж – брови хмурить, молниями гроыхать, да с врагами молодецкими играми тешиться; зато думать...

Со Словоблудом, что ли, посоветоваться?

Однако на душе было мерзко. Возвращаться в Обитель не хотелось, и видеть никого не хотелось, в том числе и Наставника – потом, потом! Как там сказал Словоблуд? Взрослею? Значит, взрослею! Действительно, хорош Владыка: чуть припекло – сразу за советом бежит! А самому – слабо, Могучий?!

Будем учиться думать.

Прямо сейчас.

Так. Случившийся кавардак краем связан с Великой Битвой на Поле Куру. Приняли, пошли дальше. Внешне все младенцу понятно: двоюродные братья со товарищи, Пандавы и Кауравы, рвут по-братски друг другу глотки за престол Лунной династии. Яснее некуда. Если забыть, что поначалу никто не хотел этой войны! Сплошные переговоры, уступки, посольства табунами... И, если мне не изменяет память, в мутной водичке изрядно преуспел наш друг Черный Баламут. И вашим, и нашим, и себя не обделил. Правда, Господом, вроде бы, не назывался... Эх, проморгал я свару во Втором мире! Машу кулаками после драки! А тогда – ставки заключали: какому послу чего ответят, кто сколько войск соберет, кто воеводой станет...

Вот смеху будет: явлюсь я сейчас на Курукшетру в блеске и славе, пришибу ваджрой самозванца-Баламута на глазах обеих армий – а оно возьмет и ничего не изменится! Ну просто ничегошеньки! Зато потом завалится в Обитель братец Вишну, Опекун Мира, злой до чрезвычайности, верхом на Проглоте...

Кто тогда в дураках останется?

Отгадайте с трех раз!

Упустили время-времечко! Повернуть бы вспять лет на тридцать-сорок, а то и на все сто; повернуть, разобраться лично, с чего началось, кто стоял за углом, кто рвался в первые ряды... Ведь это не просто тысячи тысяч смертных воинов ложатся сейчас пластом на Поле Куру! Обернуться, пойти против течения, достучаться! Ах, время, Кала-Время!..

– Ты звал меня?

Я вздрогнул, выкарабкиваясь из болота раздумий, и поспешно обернулся.

Не сожженный ли ракшас, торопясь в брахманы, решил возродиться раньше срока?!

На этот раз я узнал ее сразу. Голубоглазая Кала-Время в бледно-желтом сари. С треснувшим кувшином – только не на голове, как в Обители, а на плече.

– Ты звал меня, Владыка? – грустная, едва заметная улыбка тронула ее губы.

– Да... наверное, – видимо, забывшись, последние мысли я произнес вслух. – Как ты здесь оказалась?

– Я живу здесь, Владыка.

– В Пхалаке?!

– И в Пхалаке тоже. Разве могла покорная служанка не откликнуться на зов Миродержца Востока?

По-моему, улыбка Калы сделалась лукавой, но утверждать не возьмусь. О, эти бесчисленные оттенки и полутона женских улыбок!..

– Пойдем, Владыка. Моя хижина совсем рядом. Ты устал и расстроен; не надо быть богиней, чтобы увидеть это. Отдохни и не откажись разделить со мной трапезу.

– Не откажусь, Кала...

И тропинка повела нас прочь от Поля Куру, оставляя за спиной битву, смерть, тайну исчезающих душ и... и моего сына.

Что ж, Арджуна – мужчина. Каких мало. Каких вообще нет.

Не Обезьянознаменному держаться за край отцовского дхоти.

Пусть сам о себе заботится.

По дороге (а шли мы действительно недолго) я обратил внимание на изменения, которые за полдня, с момента утренней встречи, произошли с Калой. Заметил потому, что сама Кала усердно пыталась их скрыть. Во-первых, походка женщины стала тяжелее и скованней, самую малость, что всегда выпирает больше, нежели откровенная хромота; кроме того, на обнаженных руках и левом плече проступили пятна, подобные тем, что появляются у беременных. Апсары в тягости вечно прятались по закуткам, пока не подходил срок разрешения от бремени...

Во-вторых – кувшин.

Капли из него падали на землю заметно реже, чем утром.

Я ожидал увидеть что угодно, но не классический ашрам²³: хижина в форме пчелиного улья, стены из переплетенного лианами бамбука, полусферическая крыша выложена пальмовыми листьями в десяток слоев, приоткрытая дверь, порожек укреплен глиной... Вокруг – покосившаяся ограда: три горизонтальных ряда брусьев вставлены в гнезда столбов. Сверху – массивная балка. Сама она эту громадину тащила, что ли?!

Обойдя маленький огород, я заглянул за хижину. Нет. Крытый хлев и корова с телятком отсутствовали.

Ощувив странное удовлетворение, я проследовал за Калой в ее обитель.

²³ Ашрам – лесная обитель отшельника; также ашрамы – четыре стадии жизни дваждырожденного: учеба в доме наставника, жизнь домохозяина и производство потомства, уход в леса для медитаций и, наконец, полный разрыв с миром.

Внутри оказалось темно, но неожиданно сухо и уютно. Неказистая на вид крыша на самом деле вполне надежно защищала от вновь начавшегося дождя, пол устилали мягкие оленьи шкуры; ароматы трав, которые сушились под потолком, смешивались со свежестью капли, так что дышалось в хижине легко. В углу еле тлел очаг, сложенный из плоских камней, дальше я разглядел аккуратную поленницу дров из дерева ямала: при сгорании ямала почти не дает дыма – только легкий пряный запах.

Приятно и практично.

Кала наконец опустила на пол свой кувшин (как я смог убедиться, он был по-прежнему полон) и разом оказалась в углу, где была расставлена посуда для омовений.

– Позволь предложить тебе, господин...

– Не позволю, Кала. Ни «почетной воды», ни других почестей. Ты пригласила меня под свой кров, я благодарен тебе и устал. Ополосну руки и удовлетворюсь на этом.

Хвала Золотому Яйцу, на Калу не напал столбняк, как на утреннюю апсару.

Когда с омовением было покончено, Кала присела у очага и извлекла дощечки-шами для добывания огня, поскольку очаг успел погаснуть.

– Позволь сберечь твоё время, Кала, – я усмехнулся получившемуся каламбуру. – Конечно, в древесине шами таится наш общий приятель Агни, но тебе придется долго убажывать Всенародного²⁴...

И я махнул рукой в сторону очага.

Разжечь огонь? Детская забава. Сейчас из моего среднего пальца ударит тонкий лучик – игрушечная молния Индры – и дрова в очаге моментально вспыхнут жарким веселым пламенем...

Я так отчетливо представил себе этот костер, что не сразу понял: огонь существует исключительно в моем воображении.

Рука слегка дрожала. Я сосредоточился, вызывая легкий зуд в кончиках пальцев. Сейчас, сейчас...

Дыхание перехватило, в мозгу ударили мягкие молоточки – и все.

Да что же это творится?! Я рассердился не на шутку. Зажмурился, представил себе извергающийся из моей десницы огненный перун – усилия должно было хватить, чтобы испепелить половину Пхалаки! – и тут голова у меня пошла кругом, перед глазами вспыхнул фейерверк... и мир вокруг Индры померк, неудержимо проваливаясь в бездну первозданного хаоса.

«Надорвался,» – безнадежно мелькнуло вдали, чтобы погаснуть уже навсегда.

5

Пробуждение было странным.

И даже не потому, что хор гандхарвов отнюдь не спешил приветствовать очухавшегося Владыку.

Лежал я в тепле, с мокрой повязкой на лбу («Уксус, – подсказал резкий запах. – Яблочный...»), и в череде бурлил Предвечный Океан. Продрать глаза удалось с третьей попытки, и почти сразу выяснилось, что в хижине стало заметно темнее.

Вечер?

Ночь?!

Сколько ж это я провалился?!

²⁴ Всенародный (Вайшванара) – прозвище бога огня.

Пламя в очаге весело потрескивало, разгоняя навалившиеся сумерки, но ответа не давало.

Надо понимать, огонь Кала развела обычным способом – с помощью прадедовских, зато надежных (в отличие от перунов Индры!) дощечек-шамми.

На огне, в закопченном горшке, аппетитно булькало густое варево, распространяя по хижине дразнящий аромат.

Ноги Могучего были заботливо укутаны теплой шкурой горного козла-тара, голова Сокрушителя Твердынь покоилась на глиняном изголовьи, уксус охлаждал лоб Стосильного – однако полностью насладиться покоем Громовержцу не удалось. В первую очередь, мешало першение в горле, а также зуд в носу. Словно, пока я валялся без сознания, в ноздрю заполз и теперь копошился под переносицей... – а вот и не угадали! Никакой не червяк! Слизняк ко мне в нос забрался, вот кто!

И ползал там.

Внезапный спазм свел лицевые мышцы и шею – и я оглушительно чихнул; при этом часть «слизняк» чуть ли не со свистом вылетела из носа и шмякнулась на козлиную шкуру.

«Насморк! – с изумлением понял я, утираясь тряпицей, вовремя поданной Калой. – Суры и асуры, насморк!»

На всякий случай я еще раз попробовал вызвать огонь, хотя заранее предчувствовал поражение. И точно: мигом накатила знакомая дурнота, и я спешно прекратил свои попытки.

– Что со мной, Кала?

Я едва узнал собственный голос, более всего смахивавший на скрип немазанной телеги.

– Не знаю, Владыка, – печально отозвалась Кала-Время. – От болезней тела я постараюсь тебя избавить, а насчет всего остального...

– У людей есть поговорка: «Время лечит», – заметил я, садясь на ложе; вернее, на застеленной охапке травы, которая представляла собой ложе. – Что ж, сейчас проверим, насколько она верна. Но есть надежда, что Время еще и кормит, поскольку я голоден, как...

На ум пришел Проглот, так явственно, словно я минуту назад сжег дареное перо.

– Прямо как Гаруда!

И она рассмеялась.

А я – следом.

Потом мы оба ели похлебку, которая благоухала лучше всех небесных яств, по очереди тыча ложками в горшок и вылавливая из гущи кусочки мяса. Я чувствовал, как слизняк спешит убратся из носа, рассасывается песок в глотке, затихает океан под сводами черепа, а по телу разливается приятная истома – нет, не божественная сила Громовержца, а покой здорового мужчины, постепенно утоляющего голод.

К концу ужина стемнело окончательно. Всерьез похолодало (в Обители холода равносильны насморку у Индры), и как-то само собой получилось, что мы с Калой придвинулись друг к другу, я подтащил поближе мохнатую шкуру тара; мы оба завернулись в нее и долго сидели, полуобнявшись и глядя на рдеющие в очаге угли.

Огонь медленно засыпал под слоем седого пепла.

– Стыдно признаться, Кала, но у меня это впервые...

– Что, Владыка?

– Брось, какой я сейчас Владыка! Просто я успел забыть, а может быть, никогда и не помнил: хижина, ночь, угли в очаге, двое сидят под теплой шкурой, и больше в мире нет никого...

– Совсем никого? – наивно спросила Кала, то ли подыгрывая мне, то ли всерьез.

Впрочем, сейчас это не имело значения.

– Совсем никого. Только ты и я, – подтвердил я.

– Только ты и я, – с тихой мечтательностью повторила она и прижалась к моему плечу.

Ни дать ни взять пара скромных отшельников, чья жизнь спокойно идет к завершению...

Мы сидели и молчали, и до меня не сразу дошло, что мы уже, оказывается, не сидим, а лежим, обнявшись, на распахнувшейся шкуре, жизнь идет к завершению гораздо менее спокойно, чем минуту назад, и мои руки позволяют себе лишнее, причем Кала абсолютно не считает их лишними, эти вольности рук Индры...

– Как меня он, подруга, любит всю безумную ночь напролет, – прошептал я на ухо женщине, цитируя уж не помню кого, и осекся, потому что дальнейший текст не предназначался для женских ушей.

В лучшем случае, для закаленных апсар – эти крошки лишь хихикали в тех местах, где краснел Петлерукий Яма.

– Тебя что-то смущает? – лукаво поинтересовалась Кала, и еле слышно продолжила цитату.

– Только одно: постыдно заниматься любовью, не вступив в законный брак, – как можно наставительней разъяснил я.

«Время спишет...» – пришел на ум еще один вариант житейской мудрости.

– Так за чем дело стало? – искренне удивилась Кала. – На свете столько брачных обычаев – мы можем выбрать любой, что придется по душе! К примеру, тот, который люди почему-то называют «браком богов»!

– Это когда невеста отдается жрецу во время жертвоприношения?! – возмущенно моему не было предела. – Где я тебе жреца в лесу найду, да еще на ночь глядя! Как насчет риши-брака? Там никакие жрецы не требуются!

– А ты что, прячешь снаружи двух коров?

– Коровы? – поперхнулся я. – Две? Зачем – коровы?

– А выкуп за невесту? Согласно риши-браку!

– Коров у меня с собой нет, – признался я. – Значит, и риши-брак не годится. Ты не помнишь, как там женятся асуры?

– Ну, если ты такой бедный, что не имеешь даже пары коров, то брак асуров тоже не для тебя. У них положен куда больший выкуп!

– Действительно! – пока Кала смеялась, я припомнил кое-какие свои похождения. – Каюсь, запамятовал!

– Только не предлагай мне выйти за тебя замуж по обычаю ракшасов, – упредила мою следующую мысль Кала-Время. – Ибо тогда тебе пришлось бы меня похитить, перебив при этом мою родню!

– Не буду, не буду! – спешно пообещал я, хотя именно таким образом сочетался со своей Шачи и знал, что в ракшас-браке имелись свои преимущества; в первую очередь, отсутствие тещи. – Как тебе, милочка, понравится брак по обычаю пишачей?

– Изнасиловать во сне или беспамятстве? – Кала задумалась. – Это мысль... Хотя спать мне не хочется, да и сопротивляться – тоже. Увы, вынуждена тебя разочаровать, женишок: насилия не получится.

– Ну, тогда остается брак по обычаю гандхарвов, – подытожил я. – Без церемоний, по любви и обоюдному согласию...

И медленно притянул Калу к себе, вдохнув запах ее волос.

– Пожалуй, – она выскользнула из моих объятий, поднялась на ноги и отправилась в угол хижины, где истекал влагой ее кувшин.

– Эй! Постой! Куда ты?!

– Даже гандхарвы совершают очистительное омовение перед ночью любви, – прозвучал ответ.

Она была права.

Я кивнул, со вздохом поднялся с нагретого ложа, сбрасывая остатки одежды, отошел к порожку и принял из ее рук тяжеленный кувшин.

Как она его таскает целыми днями – ума не приложу!
Напрягшись, я поднял сосуд над собой и наклонил.

6

Обжигающий водопад обрушился на меня. Вышиб дух, кабаньей щетиной вздыбил волосы на теле, насильно исторг из груди вопль ужаса и восторга; крик длился, и водопад длился, словно в кувшине Калы сошлись воедино все родники Трехмирья, а в глотке Индры поселился Ревун-Рудра, бешеный бог зверья и гнева, пугавший своим ревом вселенную задолго до того, как его, будто в издевку, прозвали Шивой.

То есть Милостивцем.

Отфыркиваясь, я стоял, возвращаясь к жизни, и чувствовал себя заново родившимся. Это было внове, хотя бы потому, что я никогда не сходил с Мореной-Смертью ближе, чем на переговорах между Востоком и Югом. Утраченное величие выглядело чем-то несущественным, Обитель смотрелась отсюда призраком, марой, сказкой, рассказанной на ночь впечатлительному дитяти; единственной реальностью был я, просто я, без имен и прозвищ, голое существо вне родства, затерянное в дебрях Пхалаки – я, и кувшин у меня в руках, и прохлада ночного воздуха, и неизвестность впереди.

И еще мне послышалось, что над чащей зазвучал хор гандхарвов, освящая наш брак по легкомысленному обычаю крылатых певцов.

– Есть безлюдная поляна, озаренная луной,
Там от дремлющих деревьев запах терпкий и хмельной,
И бутонам нерасцветшим шепчут лепестки лимонов,
Что томлением наполнен лучезарной ночи зной...

Я повернулся и увидел Калу.

Никогда раньше я не видел Время обнаженной. Многие женщины любили меня, и я любил многих, любил щедро и бездумно, но сейчас тот прежний Индра, Бык Обители, спал далеко от Пхалаки, в темной пещере без выхода, а у безымянного существа с кувшином в руках не было знаний и опыта, была лишь дикая страсть, взрыв Золотого Яйца в безбрежном мраке.

О чем Риг-Веда, старейшая из Четырех, возгласит:

– Нить протянулась от ничего к ничему.
Был ли низ? Был ли верх?!
Оплодотворение было. И надрыв сути.
Стремление вниз. Удовлетворение наверху.

Было?

Будет?!

Я шагнул к Кале и опрокинул кувшин над ее головой.

Странно: она стояла под искрящимся водопадом, не шелохнувшись. Бронзовая статуэтка танцовщицы, каких много в литейных мастерских Махенджи – тоненькое тело девственницы с незрелыми формами, вызывающими оскомину на зубах и привкус зеленого яблока; длинные руки и ноги, жеребячья стать, правая ладонь вольно упирается в бедро, талия изогнута с легкомыслием юности, и во всей позе сквозит удивительное сочетание детства и вечности. Маленькие груди напряглись, отвердели, выпятились клювами-сосками, голова склонилась к

плечу, и лицо Калы-Времени в кипящих струях вдруг стало иным: переносица расплющилась и почти слилась со лбом, губы чувственно вспухли, наливаясь багрянцем плодов бимбы, отвердели скулы – на меня, замерев в спокойном ожидании, смотрела темнокожая дравидка.

Девочка-женщина.

Дочь южных племен, чьи ятудханы²⁵ воздвигали каменные фалоссы во имя Ревуна и бросали юношей в пламя, дабы Огнь-Агнец был удовлетворен – тогда, когда мама-Адिति была молода и еще только подумывала родить себе Индру.

Наваждение продлилось миг – и пропало.

Потому что я шагнул вперед, отшвырнув кувшин прочь, нимало не заботясь о его сохранности, и о сохранности тех океанов влаги, которые крылись в нем; я вцепился в Калу подобно дикому зверю, и мы упали, покатались по земле, леопардами в течке, фыркая и царапая друг друга, терзая и наслаждаясь, всем существом отдаваясь вечному ритму... время стонало подомной, века вскрикивали и дрожали в предвкушении, минуты и секунды струйками пота текли по коже – крылось в этой страсти нечто извращенное, потаенная нотка, вносящая крупницу разлада в общий хор, но именно она делала буйство в полуночной Пхалаке неизмеримо соблазнительным.

Так однажды, осчастливив раджу ангов-слоноводов своим присутствием, я нарочно выпил отравленную мадхаву²⁶ – раджа, не столько еретик, сколько придурок, захотел полюбоваться результатом.

Чувствовать в себе яростно-обреченные метания отравы походило на любовь Калы.

О том, какое покаяние было назначено любознательному радже, можно узнать – если, конечно, кому-то из-за такой ерунды захочется спустаться в смоляные бездны Преисподней ниже того яруса, где коротают вечность убийцы брахманов.

Я раздвоился: одна половина моего существа рычала от страсти ко Времени, другая же пульсировала где-то высоко над содрогающимися телами, заново переживая сегодняшний сумасшедший день: бой в Безначалье, Свастика Локапал, Песнь Господа, троица мертвых воевод, чья гибель виденьями преследовала Миродержцев...

Имена погибших, начертанные звездами на покрывале ночи, неотступно преследовали меня, и в хриплых столах мне слышалось:

«Гангея Грозный по прозвищу Дед...»

Еще... о, еще!

«Наставник Дрона по прозвищу Брахман-из-Ларца...»

Да!.. да, да, да, о да!..

«Карна-Подкидыш по прозвищу Секач...»

Ну же!

«Гангея Грозный... Дрона... Карна...»

Ну!..

«Дед... Брахман-из-Ларца... Секач... Дед...»

7

Я и Время закричали одновременно.

²⁵ Ятудхан – колдун-оборотень.

²⁶ Мадхава – медовуха (от слова «мадху» – мед).

**Книга вторая
ГАНГЕЯ ГРОЗНЫЙ
ПО ПРОЗВИЩУ
ДЕД**

Якша сказал:

– Что есть святыня для кшатриев, в чем их закон?
Что им свойственно, как и прочим людям?
Что равняет их с нечестивыми?

Царь Справедливости ответил:

– Стрелы и оружие – святыня кшатриев,
щедрое жертвованье – непреложный закон их.
Страху они подвержены, как и прочие люди.
Отступничество равняет их с нечестивыми.

*Махабхарата, книга Лесная, Сказание о дощечках шами, шлоки
32-33.*

Часть первая МЛАДЕНЕЦ

Как свежее масло лучше кислого молока, а брахман лучше всех двуногих, как океан лучше озер, а корова – лучшая из четвероногих, так эти главы нашего повествования считаются наилучшими; и знающий их, несомненно, сможет избежать даже греха от убийства зародыша.

Глава первая ДИТЯ, КОТОРОГО НИКТО НЕ ХОТЕЛ

1

Эта женщина ему сразу не понравилась.

Царь Пратиша отвернулся и стал смотреть в другую сторону. Широкий плес расстилался перед ним, и сверканье реки Ямуны заставляло щуриться или прикрывать глаза ладонью; за спиной с холма сбегал лес, пытаясь щупальцами лиан дотянуться, достать, потрогать стайки отшлифованных валунов. Святое место. Не надо быть отшельником, чтобы почувствовать: сам воздух здесь пропитан размышлениями о вечном. Да, стоило временно оставить Город Слона, прадедовскую столицу, попечению министров и советников, стоило, что бы они ни твердили об ответственности и государственных заботах!

Правителю тоже необходим покой.

Короткий, зыбкий, как видение дхата-морганы, города гандхарвов над гладью вечернего озера – но без минуты покоя жизнь топит человека в себе, заполняя легкие души водой сиюминутного; и ты понимаешь: никогда больше тебе уже не удастся вздохнуть полной грудью.

А тут еще эта женщина...

На миг царь Пратиша пожалел, что отослал свиту. Легкий кивок в сторону... нет, разумеется, не в сторону воинов, а в сторону евнухов! – и безбородые ласково объяснили бы глупой, что негоже разглядывать царя, будто он не раджа Лунной династии, а боевой слон, выставленный на рынке Субханды восточными анггами.

Сравнение позабавило царя. К чему незнакомке боевой слон? Корзины с грязным бельем таскать? Даже если судьба и занесет ее на рыночную площадь Субханды – в самую последнюю очередь пройдет женщина мимо оружейных рядов, за которыми торгуют жеребцами для колесниц и слонами, обученными убивать и слушаться стрела! А если и пройдет, то едва ли заговорит с бородатым ангом о достоинствах серого зверя, похожего на грозную тучу Индры...

Пратиша улыбнулся собственному легкомыслию и продолжил глазеть на реку.

Сведущие люди говорили, что Ямуна берет свое начало в горячих источниках Гималаев, на горе Бандара-пучча; здесь же воды стремнины, названной в честь Адского Князя Ямы (вернее, в честь его единоутробной сестры-близнеца, но про это шепотом, вполголоса...), бурно стремились на юг, чтобы слиться с полноводной Гангой, матерью рек. Вся территория вокруг, со всеми ее холмами, лесами, низинами и берегами, испокон веков называлась Курукшетрой, Полем Куру – в честь легендарного царя и предка Пратиши, совершавшего здесь небывалое покаяние.

Злопыхатели вполголоса утверждали, что эта местность на самом деле зовется Полем Закона, а великий Куру если и побывал здесь, то исключительно предаваясь беспробудному пьянству.

Но Прати́па не обращал внимания на злопыхателей.

Разве что изредка, проезжая мимо городской площади, где злопыхатели имели обыкновение сидеть на колу.

Что существенно влияет на красноречие.

Главным были не поступки предка, а наличие на Курукшетре трех с лишним сотен священных криниц²⁷. Омывшись в одной, ты обретал благополучие, в другой – здоровье, в третьей – безопасность от змеиного яда; а знаменитая криница в Праяге была единственной, где мог покончить с собой даже брахман, и грех самоубийства выворачивался наизнанку, становясь заслугой, дарующей райские миры.

Старики и больные, успев зажитья на свете и устать от боли или дряхлости, стекались в Праягу толпами. Глиняные кувшины шли нарасхват – набив их камнями и привязав к телу, тонуть гораздо проще. А места на прославленном Баньяне Прощания ценились в зависимости от уровня ветки: верхние, упав с которых разбиваешься навверняка, стоили гораздо дороже.

Не зря местные жители хорошо подрабатывали в свободное время, вертятся вокруг безутешных родственников – дров для костра натаскать, тело омыть, помыть над мертвеньким, то да се...

Прати́па поиграл концом гирлянды из оранжевых цветов кадамбы и против воли снова обратил свой взгляд на женщину.

Нет.

Она ему по-прежнему не нравилась.

Рыбачка? Ниже по течению есть поселение рыбаков, где свита Прати́пы третий день закупала корзины с нежным усачом-подкоряжником и длинными телами дундубхи, водяной змеи, которую полагается запекать в ее же собственной крови. Говорят, помогает от мужского бессилия. Но рыбацкие жены и дочери низкорослы, в кости широки, а глаза у рыбацек сами опускаются долу, едва в поле зрения покажется человек, одетый богаче их мужей и отцов. Что заставляет пропахших чешуей женщин почти все время смотреть в землю.

Во всяком случае, при визите свитских в поселок.

Размышлять о вечном не получалось. Мысли самовольно то и дело возвращались к женщине, будь она неладна! Супруга кого-то из паломников? Дочь брахмана при кринице – вокруг каждой дваждырожденных было больше, чем мух на падали, и каждый голосил навзрыд:

– Кто накормит хотя бы одного брахмана, вовеки избегнет низкого рождения!

Прати́па нахмурился и легонько хлопнул себя по лбу – в наказание за нечестивые мысли. Негоже знатному кшатрию, да еще потомку Лунной династии, так думать о наставниках! Но из памяти не шло: бедняк-паломник платит лысому жрецу последние гроши за право подержать ухо коровы жреца во время обряда. А ученик достойного брахмана, сопя, записывает на пальмовых листьях: дескать, был сей бедный человек у криницы Теплых Вод и совершил жертвоприношение коровой, за что полагается щедрому возродиться в семье богатого землевладельца.

И никак иначе.

Прати́па тогда еще послал евнуха, чтобы среднеполюй купил у сквалыги-брахмана его замечательную буренку и подарил ее паломнику: невозможно было смотреть, как бедняга сияет, держась за волосатое ухо!

Нет, определить происхождение и статус женщины не удавалось. Мешала властность осанки – так стоят жены царей на дворцовых террасах, наблюдая за играми девиц из дворни. Но жены царей не бродят в одиночестве по берегу Ямуны, и жены царей не носят вызывающе ярких украшений, достойных скорее столичной шлюхи-гетеры.

²⁷ Криница (позднее – тиртха): место священного омовения, куда стекались паломники.

Вон, камни на браслетах – за йоджану²⁸ видно, что фальшивые! Чуть ли не с кулак величиной, самоцветы... Говорят, в верховьях Ганги такие встречаются, только редко, и каждый в сокровищнице приходится на сто замков запирать!

Может, и впрямь шлюха?

Едва Пратипа решил, что и шлюхой женщина тоже быть не может – ну скажите на милость, что делать шлюхе на Поле Куру?! – как незнакомка опровергла его вывод. Подошла и уселась к царю на правое бедро. Да-да, уважаемые, именно к царю, именно на бедро и именно на правое! Ну и что, что у царей не написано на лбу «царь»? А у вас написано, брахман вы, кшатрий-воин или вообще псоадец, чандала-неприкасаемый?! Что? Написано?! Да еще цветной тушью?! Как хотите, а это еще не повод вести себя столь вызывающим образом!

Пратипа машинально погладил бок нахалки и ощутил бедром тепло упругих ягодиц.

Ягодицы ему понравились, а женщина – нет.

– Скучаешь, красавчик? – низким, чуть хриплым голосом поинтересовалась незнакомка.

Пратипа не ответил. Сидел, смотрел в глаза с поволокой, тонул в их хищной глубине, в темно-карих омутах...

Глаза ему нравились.

А женщина – нет.

И чем дальше, тем больше.

– Прогуляемся, бычок? – хрипотца в голосе усилилась. – Прислушайся: кукушки кричат о любви, в логовах мурлычат леопарды, и люди тоже бессмысленно глядят в небо, облизывая губы...

Царь Пратипа всегда был вежлив с женщинами.

Независимо от сословий.

Он даже с преступниками был вежлив – что мало сказывалось на приговоре.

– Прости, милочка, – отозвался он, втайне ухмыляясь. – Я, конечно, с радостью, ибо красотой ты подобна апсаре...

Женщина оскорбленно моргнула.

На памяти Пратипы это была единственная женщина, которой не польстило сравнение с небесной танцовщицей Индры.

– Но ты сама виновата! – закончил царь.

– В чем? Скажи мне, красавчик: в чем? – и я мигом заглажу свою вину!

– Я бы и рад прогуляться с тобой в лесок, но ведь ты села ко мне на правое бедро!.. Увы, теперь никак!

– Мне пересесть?

– Поздно, о достойнейшая из... (Пратипа чуть не сказал «из недостойных», но вовремя осекся). Ведь знают от долины Инда до Южной Кошалы: правое бедро мужчины предназначено, чтоб на нем сидели невестки, жены взрослых сыновей; а любовницы и супруги садятся только на левое бедро, и никак иначе!

– И что же нам теперь делать, о царь царей, если я изнемогаю от страсти?!

Пухлые губы шепнули это, приблизясь к самому лицу Пратипы, и ловкие пальцы сдвинули ладонь царя чуть ниже – туда, где начинались «тривали», три складочки на животе, символ женской красоты.

Дальше уже лежали окрестности «раковины-жемчужницы», которая только и дожидалась подходящего момента, чтобы приоткрыть створки.

Эй, ныряльщик, где твой нож?!

– Ждать, красавица, нам остается только ждать... пока ты не выйдешь замуж за моего сына и не сможешь по праву восседать на правом бедре царя Пратипы!

²⁸ Йоджана (досл. «перегон») – единица длины, расстояние дневного пробега колесницы. Как правило, 15-17 км.

Легким шлепком царь согнал нахалку и теперь, посмеиваясь, глядел на нее снизу вверх. – Надеюсь, твой сын с тобой? – женщина и слыхом не слыхивала о такой полезной вещи, как смущение. – Я имею в виду, неподалеку?

– Увы и увy еще раз, красавица: нет у Пратипы сына, одни дочери, и это удручает меня, вынуждая отправляться к священным криницам. Авось, смилуется кто из богов, наградит царя потомством мужского пола, родится сынок, вырастет, возмужает – тут ты и приходи, сыграем свадьбу! Дворец вам, молодоженам, воздвигну – из тысячи стволов дерева шала! Станете жить-поживать, а люди тебя встретят и головы склонят: "Здравствуй вовеки, госпожа шалава²⁹!" Договорились?

Пратипа встал и, не оглядываясь, пошел прочь – вдоль плеса, туда, откуда уже доносился шум возвращающейся свиты.

Женщина долго смотрела вслед царю.

– Странно, – наконец проронила она, и чувственности в ее низком голосе было примерно столько же, сколько в клетоте голодной гридхры³⁰, что кружила над рекой. – А с виду жеребец жеребцом...

На лице женщины было написано, что у нее много времени.

Очень много.

Она согласна подождать.

Если бы Пратипа обернулся, то женщина, возможно, не понравилась ему гораздо больше, чем поначалу.

Но царь разом забыл и о незнакомке, и о своей злой шутке.

Поэтому он не увидел прощального взгляда наглой шлюхи; и еще он не увидел восьми призрачных силуэтов, что стояли вокруг женщины, глядели на удаляющегося царя и скорбно качали головами.

Ровно через год в Хастинапуре, Городе Слона, будет великий праздник: у царя Пратипы родится первенец мужского пола.

Болезненный мальчик по имени Бахлика.

Еще через год старшая жена Пратипы принесет ему второго сына. Ребенок будет назван Шантану, то есть Миротворцем, и объявлен наследником престола.

В столице накроют столы, амнистируют преступников, рассыпят по улицам казну, и бедный люд станет славить имя Пратипы, желая царским сыновьям здоровья и долголетия.

Еще через два десятилетия Шантану-Миротворец совершит паломничество на Курукшетру, к священным криницам – молясь о здоровье брата и прихворнувшего отца. На берегу Ямуны к нему подойдет женщина и сядет на левое бедро наследника престола. Потом они поднимутся и уйдут в лес.

Восемь призраков будут провожать взглядами влюбленную чету и улыбаться.

Наследник не вернется в столицу.

Он только отправит гонца с приказом: ждать его возвращения.

Ждать придется около трех лет.

²⁹ Шалава – владелец дома, построенного из тикового дерева шала, чьи особо прочные и стройные стволы весьма ценились в строительстве. Окончание «ва» и означает, собственно, «владыка» (ср. «Владыка Васу» – Васава, «Владыка кудрявых (кеша)» – Кешава и т. д.

³⁰ Гридхра – хищная птица, ястреб или коршун.

2

...мужчина приподнялся на локте и обвел все вокруг себя безумным взором.

Рука подломилась, и он упал.

Сел с третьей попытки.

– Я...

В горле заклокотало, и умершее слово выкидышем упало в пустоту.

Был он молод, красив здоровой красотой сильного человека, который лишь понаслышке сталкивался с голодом; и всерьез полагал, что сошел с ума. Не без оснований. В памяти отчетливо стояло: вот он засыпает на ложе, на шелковых покрывалах с вышивкой, усыпанных лепестками манго, под тихое пение прислужниц, убаюканный покоем и счастьем – его жена, его любимая жена вчера принесла своему супругу двойню, и оба мальчика похожи...

«Сваха!» – отчетливо прозвучал в мозгу возглас, которым заканчивают жертвоприношение; и глаза мужчины неожиданно прояснились.

Так звонкий клич медного горна-длинномера в руках умелого трубача поднимает дружинников по тревоге.

– Я... я – Шантану! Шантану-Миротворец, сын и наследник царя Пратипы!

«Ты уверен?» – спросило безумие.

Под мужчиной протяжно застонал чарпай – дешевая кровать низших сословий. Даже не кровать, а лежанка, простая рама на четырех ножках, перетянутая крест-накрест веревками, поверх которых были постелены грубые циновки.

О лепестках манго и речи не шло.

Как и о прислужницах.

Шантану лежал в лесной хижине, дымной, прокопченной насквозь и почти пустой. Словно хозяин давно покинул временную обитель и ушел невесть куда – чтобы наследник престола в один не слишком прекрасный день обнаружил себя в брошенной хижине и захлебнулся осознанием реальности.

Сын царя Пратипы, прозванный Миротворцем, даже не догадывался, что именно сейчас в Городе Слона, во двореке жилища дворцового пратихары³¹, закончился молебен. Дорогой, надо сказать, молебен. Во здравие пропавшего без вести наследника; и в первую очередь – во здравие душевное. Старенький пратихара ужасно рисковал: прослышь о молебне Пратипа, который в последнее время очень изменился, заставляя палачей-чандал работать сверхурочно – не миновать беды.

Допрос с пристрастием: «Душевное здравие? Стало быть, полагаешь, что царевич болен? Не в себе?! Откуда такие сведения?!»

Ни один из министров не рискнул на такое (упаси Брахма, своя голова дороже!) – а тут поди ж ты, какой-то пратихара...

«Сваха...»

И медный рев очищает пыльный мозг, насквозь прокопченный безумием.

– Я Шантану! – грозно прозвучало в ответ.

Будь здесь известный на весь Хастинапур наставник искусства Ваджра-мушти, кшатрийской «Битвы молний», он с удовольствием бы ухмыльнулся в седые усы, услышав крик своего лучшего ученика.

³¹ Пратихара – привратник; позже так стали именовать многие доверенные должности, от дворецкого до министра.

Мужчина соскочил с заскрипевшего чарпая, наскоро оглядел себя и решил, что похож на жертвенное животное. Украшенного козла, который счастлив в вонючем хлеву над бадьей с отрубями – и будет счастлив вплоть до алтаря и ножа.

Сколько же дней... лет... времени он провел здесь?

Память словно метлой вымело. Одно сверкало и искрилось отчетливостью воспоминаний – жена! Властная красавица-жена, искусная в постели, знающая сотни историй о богах и демонах, историй живых и презабавных, словно рассказчица сама присутствовала при описываемых событиях; жена, нарожавшая счастливому муженьку...

Сколько?

И где они все, эти дети?

Вокруг хижины скачут?!

Шантану чуть не зарычал от бессильной ярости и выскочил наружу.

Никого. Лишь тропинка ведет вглубь леса, и любопытные фазаны-турачи курлычут в кустах, сверкая разноцветьем оперения.

Он кинулся бежать, и тропа сама ложилась под босые ноги хастинапурского принца, облаченного лишь в полоску мочала на чреслах и увядшие гирлянды.

Глухо дребезжал один-единственный браслет на щиколотке.

Остановить хотел?

3

Женщина стояла по пояс в воде.

Мутной воде Ганги, матери рек, текущей одновременно в трех мирах – но в волне нет-нет да и пробивалась кровавая струйка. Выше по течению, за вереницей крохотных островков, Ганга сливалась с Ямуной, а той было не впервой размывать по дороге красный песчаник предгорий; может быть, именно за цвет воды Ямуну прозвали в честь Князя-в-Красном или... тс-с-с!

Молчим, молчим...

На предплечье правой руки у женщины, прижав к ее плечу покрытую пушком голову, спал младенец. Дитя двух-трех дней от роду. Мальчик. Левую же руку женщина опустила в воду и время от времени двигала ею из стороны в сторону. Словно белье полоскала.

Подвигает, скосится на спящего ребенка – и стоит.

Ждет.

А лицо такое... не бывает таких лиц.

Наконец речная гладь расступилась, как если бы ей приказали, и женщина извлекла наружу еще одного ребенка.

Мальчика.

Мертвого.

За шкуру, будто кутенка от блудливой суки топила.

Брезгливо оглядела, присмотрелась – не дышит ли? – и швырнула на берег.

Маленькое тельце утопленника шмякнулось о песок и по склону сползло в тростники.

Женщина вздохнула, тыльной стороной ладони отерла лоб (рука была абсолютно сухая, даже какая-то пыльная) и принялась за следующее дитя.

Но опустить ребенка в воду ей не дали.

– Стой! – проревело совсем рядом; и в воду Ганги вепрем-подранком, весь в радуге брызг, вломился голый Шантану. Лицо его в этот миг смотрелось совсем старым – и совсем бешеным. Подобное бешенство было свойственно всей Лунной династии, уходящей корнями в глубокую

древность: именно в этом состоянии раджи изгоняли или убивали любимых жен, сухим хвостом вспыхивали в гуще, казалось бы, проигранных сражений, шли укрощать слонов с лопнувшими висками³²...

– Тварь!

Сейчас молодой мужчина напрочь забыл святой долг кшатрия: не поднимать руки на раненого, сдающего, лишившегося рассудка – и на женщину. Вспышкой озарения ему показалось, что у жены-убийцы нет ног, что есть просто речная вода, из которой растет туловище, в любой момент готовое оплыть, растечься, раствориться... Но разум исчез, осталось лишь бешенство, наследственная ярость – и ребенок проснулся уже в руках отца.

Он успел вовремя.

– Идиот! – истерически завизжала женщина, а лицо ее разом сделалось уродливым и почти таким же безумным, как и лик Шантану. – Козел жертвенный! Это же был последний!

На берегу, рядом со скорчившимся тельцем, подпрыгивал в возбуждении призрачный силуэт, один-единственный, как браслет на щиколотке канувшего в небытие принца; и туманные ладони шарили в воздухе, копошились, искали...

Чего?

– Последний?! – до Шантану наконец дошел смысл сказанного женщиной.

Он кинулся прочь, на отмель, но женщина мгновенно перетекла ближе, пальцы с крашеными ногтями впились в плечо принца мертвой хваткой – и младенец захныкал, едва не оказавшись обратно у матери.

Принц извернулся и резко, по-журавлиному, вздернул колено почти до подбородка, одновременно махнув свободной рукой сверху вниз.

Этот удар сломал бы локоть даже опытному бойцу. Женщину же он только заставил отпустить плечо мужа. Спустя миг принц стоял на отмели, тяжело дыша, крепко прижимал к себе последнего ребенка и воспаленными глазами следил за приближением женщины.

За спиной принца гримасничал призрак.

Заботливая жена и примерная мать выростала из воды, как стебель осоки: вот у нее появились бедра, колени, лодыжки... Когда женщина поравнялась с Шантану, она внезапно подхватила горсть речной воды, словно горсть песка, и швырнула в лицо мужу. Шантану попятился, брызги полоснули его по щеке – и сильный мужчина покатился по песку, крепко прижимая к себе сына и стараясь уберечь дитя.

Вскочил.

Набычился зверем, защитником выводка... бывшего выводка... по рассеченной щеке червями ползли две струйки крови, как если бы ее зацепило гранитной крошкой.

Женщина уже замахивалась для второго броска.

«Сваха!» – вновь прозвучал в мозгу Шантану крик далекого брахмана.

И принц выпрямился во весь немалый рост, с ребенком на руках.

– Если есть у меня в этой жизни хоть какие-нибудь духовные заслуги... – срывающимся голосом произнес Шантану.

И каменные брызги разбились о воздух в пяди от искаженного мукой лица.

Воздух вокруг принца слабо замерцал, десяток комаров, попав в ореол, полыхнули искрами-светлячками; застыл на месте призрак, и с тела женщины вдруг полилась вода – много, очень много мутной воды Ганги, матери рек.

Немногие рисковали произнести те слова, что сейчас произнес хастинапурский наследник. Сказанное означало одно: человек решился изречь проклятие, собрав воедино весь Жартапас, накопленный им в течение жизни. Так аскеты испепеляли богов, так мудрецы заставляли

³² У слонов во время течки (муста) из височных желез выделяется специфическая жидкость, маслянистая и с пряным запахом.

горы склонять перед ними седые вершины, так ничтожные валахилы³³ карали возгордившегося Индру...

Если же на проклятие уходил весь Жар проклинающего – ему грозила скорая смерть, преисподняя и возрождение в роду псоядцев.

При нехватке тапаса проклятие не сбывалось, а про дальнейшую участь рискнувшего лучше было и не заикаться.

Но после слов «Если есть у меня в этой жизни хоть какие-нибудь духовные заслуги...» даже перун Индры не мог коснуться дерзкого.

Он был неуязвим.

И видел правду.

Одну правду, только правду и ничего, кроме правды.

– Ты Ганга, – спокойно произнес Шантану; лишь побледнел, как известь. – Мать рек, текущая в трех мирах.

Женщина молчала.

Вода текла с нее, мутная вода, а вокруг стройных ног собирались в кольцо кровавые струйки соперницы-Ямуны.

Радовались, багряные, переливались на солнце...

– Ты одурманила меня, превратила в ходячий фаллос без души и сознания; я прожил с тобой три года. Первый раз ты принесла мне тройню, затем – опять тройню, и вот: еще двое детей спали у тебя на руках, когда ты покидала хижину, казавшуюся мне дворцом.

Женщина молчала.

И безмолвствовал призрак за спиной Шантану, стараясь не касаться радужного ореола.

– Где наши дети, жена? Где они, Ганга?! Я полагаю, их можно найти на твоём дне, где с ними играют скользкие рыбы; или кости младенцев сверкают белизной в прибрежных тросниках? Но речь не о них, подлая супруга и смертоносная мать! Речь о тебе и нашем последнем отпрыске.

Прекратила вечный ропот осока, утихли птицы над водной гладью, смолк шелест деревьев – мир внимал Шантану.

– Слушай же меня, богиня! Если когда-либо, вольно или невольно, словом или делом, прямо или косвенно ты причинишь вред этому ребенку – рожать тебе мертвых змей на протяжении тысячи лет ежегодно! Я, Шантану, наследник престола в Хастинапуре, ничем не погрешивший против долга кшатрия, возглашаю это!

Принц собрался с духом и закончил:

– Да будет так!

Ореол вокруг него на мгновение вспыхнул ярче солнца – и погас.

Поэтому Шантану не видел, как призрак, спотыкаясь, подошел к отцу с сыном, положил зыбкую ладонь на пушистую головку младенца... и исчез.

Как не бывало.

Лишь долгий вздох разнесся над речной стремниной.

Ганга вышла из кровавого кольца и щелкнула пальцами.

Дитя выскользнуло из отцовских рук и по воздуху проплыло к матери.

Судорога скрутила крохотное тельце тугим узлом, на губах выступила пена, как бывает, когда ребенок срыгивает после обильного кормления, но потрясенному Шантану было не до того.

³³ Валахилы – мудрецы-небожители ростом с палец; досл. «умник-с-пальчик».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.